

На правах рукописи

РОДИОНОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

09.00.11 – Социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Ставрополь - 2015

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Пржиленский Владимир Игоревич

Официальные оппоненты: **Андреев Эдуард Михайлович,**
доктор философских наук, профессор,
Учреждение Российской академии наук
Институт социально-политических
исследований РАН, главный научный
сотрудник

Колосова Ольга Юрьевна,
доктор философских наук, доцент, ФГКУ
ВПО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской
Федерации» (Ставропольский филиал),
профессор кафедры социально-
экономических и гуманитарных дисциплин

Лысак Ирина Витальевна,
доктор философских наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет», профессор кафедры
философии

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Волгоградский
государственный университет», г. Волгоград

Защита состоится «11» декабря 2015 г. в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.245.04 при Северо-Кавказском федеральном университете по адресу: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, http://www.ncfu.ru/text_dissert.html.

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ:
<http://www.ncfu.ru/index.php?do=static&page=dissertaciya-rodionovoy-valentiny-ivanovny>

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

А. Э. Гапич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный этап общественного развития характеризуется дальнейшим усложнением жизнедеятельности социума и расширением сфер деятельности социальных субъектов. В результате в обществе происходят радикальные изменения, комплексные по своему характеру и оказывающие существенное влияние на качественное состояние социальных отношений. Новые технологии разрабатываются и широко внедряются даже в частную сферу жизни человека. Они, помимо прямых, порождают множество косвенных и обратных эффектов, имеющих социокультурную природу. Подобные лавинообразные изменения сопровождаются появлением нового качества деятельности социальных субъектов, одним из проявлений которого является технологизация социальных практик.

Функционирование социальных практик в современном обществе отражает значимые социальные изменения, во многом по-новому воспроизводящие процессы общественного воспроизводства, их типы и механизмы. Данное обстоятельство делает актуальной для социальной философии задачу исследования их характеристик и направленности развития, противоречивых последствий и эффектов влияния. С одной стороны, социальные практики, как одно из оснований общественных отношений, становятся более вариативными, разнообразными, возрастает степень их самонастраиваемости и гибкости, с другой – их функционирование требует от социума большей степени устойчивости, стандартизации и унификации.

Нарастающая динамика технологизации социальных процессов обуславливает также необходимость упорядочить социальные практики как формы их воспроизводства, что предполагает потребность в ценностно-оценочном осмыслении процесса технологизации и его роли в жизни общества. Аксиологический аспект исследуемого явления отражает противоречивость функциональных проявлений технологизации социальных практик и необходимость их осмысления или так называемую «драму позитивной оценки» социальных процессов и их неоднозначную «палитру».

Технологизация заставляет по-новому вести поиск оснований устойчивого развития не только в техногенной, но также в социальной и культурной сферах. В рамках различных репрезентаций современного общества актуализируется вопрос об отдельных, позитивных/негативных аспектах процесса технологизации социальных практик. Подобные интерпретации характеризуются насыщенной ценностной и эмоциональной окраской, тревогой или заинтересованностью по поводу выявления основных тенденций развития общества.

В условиях технологизации увеличивается количество и разнообразие социальных технологий как механизмов, обеспечивающих устойчивость

общественного развития, способствующих соединению в единое целое целей и ценностей, наполнению смыслами социальных действий, формированию праксеологического отношения к миру. Технологии представляют собой сочетание когнитивных, теоретических и практических составляющих деятельности и служат траекториями усложнения социальных практик. В связи с этим на сегодняшний день актуальны вопросы оценки применения социальных технологий и их соотношения с социальными практиками. Технологии достаточно широко используются в конкретных сферах жизни современного общества, что порождает такие явления, как политические технологии, PR-технологии, технологии образования, сервисные технологии и другие. Интенсификация процессов технологизации расширяет проблемное поле научных исследований данного феномена. Вместе с тем, в социальной философии весьма слабо представлена операционализация самого понятия «технологизация». Это обуславливает необходимость философского анализа сущности и содержания технологизации, а не только ее прикладных аспектов.

Процессы технологизации сегодня активно проникают во все базовые сферы жизни общества – политику, образование, экономику и другие. Наиболее полно технологизация проявляет себя в социальных практиках сервиса, воспроизводя при этом свою специфику. О значимости исследования данного феномена, его позитивных и негативных последствий для общества свидетельствуют научные изыскания, включающие в предмет философского осмысления, наряду с другими проблемами, процессы технологизации социальных практик сервиса. При этом важно констатировать, что проблема технологизации в социальных практиках сервиса недостаточно представлена в социально-философской рефлексии. Изучение темы технологизации социальных практик позволит выявить факторы ее латентного воздействия на сознание и поведение индивида, детерминанты негативных последствий технологизации.

Становится очевидным, что в современном обществе происходят пластические деформации в сфере целеполагания, как коллективного, так и индивидуального. Технологизация социальных практик проявляется в изменении целей, ценностей и мотивов социального действия, что следует рассматривать в качестве эффектов явления технологизации. Данные обстоятельства позволяют связать в единое целое понимание сущности, последствий технологизации и процессов субъективного целеполагания.

Это позволит разрешить парадокс, наблюдаемый в социальных действиях индивидов, который заключается в том, что атрибуты обладания ценностями, признаваемыми обществом, становятся важнее самих ценностей. Это явление требует глубокого осмысления на уровне философского знания. Социальная философия должна быть ориентирована на объяснение взаимосвязи между условиями расширения выбора жизненных траекторий в индивидуальном целеполагании и условиями выбора социальных практик, предоставляемых индивиду.

Вопрос о легитимации социальных практик направляет поиск скрытых смыслов в механизме институционализации сервиса, что приводит к обнаружению глубокой связи между уровнем технологизированности практик и социальной структурой общества. Анализ обозначенных социальных практик представляет собой весьма значимый этап в развитии философских представлений о путях общественного целеполагания, в поиске наиболее эффективной системы социальной организации жизнедеятельности общества.

При этом развертывание процесса технологизация социальных практик создаёт предпосылки для роста частоты воспроизводства тех или иных социальных технологий в рамках социальных коммуникаций, способствуя процессу институционализации социальных технологий. В нынешних условиях в центре внимания оказываются практики потребления (в связи с чем современное общество можно репрезентовать как общество консюмеризма), в результате чего всё больше институционализируются практики сервиса.

Всё это позволяет заключить, что технологизация вслед за рационализацией в настоящее время становится важным социорегулирующим фактором, обуславливающим фундаментальные изменения современной общественной жизни. Повышение роли технологизации в социуме делает актуальной постановку проблемы и её изучение в контексте рационализации, «практического смысла» в децентрализованном пространстве повседневности.

Степень научной разработанности проблемы. Рассмотрение феномена технологизации представляет собой широкую, многогранную, сложную и малоизученную проблему. Это подтверждает мысль о необходимости комплексного междисциплинарного подхода социально-гуманитарных наук к данной проблеме, о важности учета воздействия социально-политических, исторических, экономических факторов на процессы технологизации социальных практик. В силу этого изучение данной проблематики в контексте социальной философии должно идти с привлечением социологических, политологических, культурологических, исторических и экономических концепций. Для реализации замысла диссертационного исследования использовались достижения как отечественной, так и зарубежной научной мысли.

Идеи о сущности социальных практик в повседневности заложены классической философской мыслью. Например, они имеют место в трудах И. Канта. Рассмотрение источника общественной практики с объективно-идеалистических позиций связано с именем Г. В. Ф. Гегеля. Понятие «социальные практики» генетически вырастает из понятия «практика», которое разрабатывал и использовал К. Маркс, применяя его для объяснения социальных процессов. Понятие практики, однако, значительно сузилось и трансформировалось со времен исследований К. Маркса, и эта эволюция концепта отражена в диссертационной работе. Если К. Маркс понимал под

практикой, в самом широком смысле, все виды чувственно-предметной деятельности человека то уже, например, Л. Витгенштейн изучает социальные практики в сопряжении с языком, речью, со всем тем, что сопутствует повседневности индивида. Ряд ученых связывает методологию изучения социальных практик с такими событиями в социальных науках, как прагматический и лингвистический повороты, с интересом к институциональности (В. Л. Каплун), прагматизму (В. С. Кирющенко), к праксиологической парадигме и её применению к анализу социальных практик; в сферном и иных аспектах социальные практики являются предметом интереса Е. А. Кожемякина, Е. Л. Омельченко.

Теорию социальных практик как форм воспроизводства социальной реальности активно разрабатывает П. Бурдьё. Синтез структурализма и конструктивизма позволил ему показать специфику социальных изменений постсовременности. Особую значимость для реализации целей исследования имеют работы самого П. Бурдьё и его интерпретаторов (Дж. Блазиуса, Дж. Фридрикса, А. В. Петрова, Д. Роббинса, Н. А. Шматко), касающиеся хабиитуализации социальных практик.

Концептуальную роль в разработке темы социальных практик сыграли социально-конструкционистские идеи П. Бергера и Т. Лукмана о механизмах конструирования социальной реальности. О социальной технологизации в динамическом аспекте писал П. Штомпка. Исследователь опирался на труды ведущих отечественных социальных философов и социальных теоретиков, в частности, на работы К. Х. Момджяна, Ю. М. Резника, Е. А. Тюгашева, Б. Г. Юдина и др.

Идеи, близкие к проблемам социальной технологизации, можно обнаружить в трудах И. В. Бестужева-Лады, Л. Н. Дробышевской, Г. Е. Зборовского, А. В. Матецкой, В. С. Стёпина.

Социально-философское рассмотрение феноменов социальных технологий и технологизации предпринято в исследованиях А. В. Аврамова, А. А. Гревцевой, А. В. Ермака, О. А. Ледяевой, Д. В. Писачкина, А. А. Тарасова; с позиции философии науки и техники проблемы технологизации исследовали А. М. Гордус, С. А. Наумов, Н. Е. Осипов, И. А. Петренко, Н. С. Рыбаков и другие ученые.

В изучение роли технологизации в традиционном обществе и особенностей проявления ценностно-рациональной модели в исторические эпохи существенный вклад внесли такие ученые, как А. Я. Гуревич, А. Ф. Лосев, М. О. Мнацаканян и другие. Развитие технологизации общества в условиях наступления индустриальной эры исследовали А. С. Ахиезер, Д. Лукач, А. С. Панарин; характеристику процесса технологизации в условиях развитого индустриального общества дали В. С. Барулин, П. В. Волобуев и другие исследователи.

Проблему функционирования инструментального разума, роль мышления в индустриальном обществе отразили в своих работах М. Хоркхаймер и Т. Адорно.

Функциональные проявления технологизации на пике развития индустриального общества исследованы в трудах В. Л. Глазычева, П. Ф. Дракера, Н. Н. Козловой, Т. Пиирайнена, Е. В. Турунцева. Рассмотрению модели и проблем социального ограничения технологизации в постиндустриальном обществе посвящены работы зарубежных ученых – И. Валлерстайна, Дж. Гэлбрейта, Г. Зиммеля, Р. Коэна, Э. Тоффлера, А. Турена, Ф. Уэбстера; отечественных исследователей – В. М. Жеребина, Т. И. Заславской, В. Л. Иноземцева, В. И. Пржиленского, В. Г. Федотовой и других.

О социальных практиках в аспекте технологизации писали в своих диссертационных работах М. Ф. Литвинова, Т. А. Сафонова и другие ученые. Абрис полной картины социальных последствий становления *ratio serviens* представлен в диссертациях А. П. Бандурина, С. В. Власова и других исследователей.

Обосновать эвристическую ценность комплексного подхода социально-гуманитарных наук к исследованию технологизации, с учетом доминирования определенной модели социального поведения индивида, позволили работы таких зарубежных классиков социальной мысли, как Д. Белл, Р. Мертон, Т. Парсонс, П. А. Сорокин, а также современных отечественных исследователей – Е. И. Кравченко, А. И. Патрушева, С. Г. Спасибенко, И. В. Черентаева.

Понятие технологизации в сфере социально-гуманитарных исследований (социология, педагогика, экономика, политология и другие направления) только начинает разрабатываться и применяться в исследовательской практике. Подтверждением тому могут служить работы В. Л. Глазычева, Н. А. Косянковой, Н. И. Михеевой, В. Д. Симоненко, Р. Г. Смирнова.

Коммуникативные аспекты темы исследовались с привлечением идей Г. А. Балыкиной, В. А. Аршинова, А. А. Калмыкова, Т. З. Козловой, М. В. Лебедевой, О. Р. Лычковской, Е. Ю. Стриганковой, а также приемы типизации и идеализации в социальных науках – С. Б. Кожевникова, Н. М. Смирновой.

Возможности парадигмальных форм объяснения технологизации, а именно ее интерпретации в духе классической и неклассической парадигм отражены в трудах П. П. Гайдено, Ю. Н. Давыдова, Д. Г. Егорова, Ж. Лиотара, К. В. Любимцева, А. В. Туркулеца, М. Фуко и других.

Роль концептов «социальные практики», «социальное действие» и «социальный опыт» в анализе процессов технологизации показана в трудах зарубежных и отечественных ученых (П. Бурдьё, В. В. Волкова, Ю. Н. Давыдова, И. Н. Грушевой, М. Ф. Литвиновой, С. В. Мамонтова, Е. А. Медведева, Н. В. Меднис, Т. Парсонса, М. Р. Пенькова, Дж. Ритцера, Л. А. Склэир, А. В. Токранова, А. Я. Флиера, О. В. Хархордина, А. Шюца, М. Г. Ярошевского). Социальные практики в повседневности социального

бытия индивида отражены в работах С. Н. Боголюбовой, Е. В. Золотухиной-Аболиной, Л. А. Савченко.

Практики общества потребления стали предметом анализа в исследованиях Т. Н. Ананьевой, З. Баумана, Ж. Бодрийяра, Т. Веблена, И. В. Гороховой, В. В. Ильина, В. Ю. Ищенко, И. Н. Иванова, Б. Е. Каировой, А. С. Калинина, Е. В. Лукашева, И. В. Маковской, О. А. Марковцевой, Т. А. Марченко, А. Г. Милейковского, В. В. Радаева, Р. И. Филиппова.

Значительный вклад в развитие теории рациональности внесли научные труды В. А. Аршинова, М. Т. Аслановой, А. П. Бандурина, М. П. Бузского, Р. Е. Гергилова, В. Н. Гуторович, Ю. М. Дуплинской, Д. Е. Карташова, И. Т. Касавина, Н. Г. Колодько, С. В. Кущенко, М. В. Лебедева, В. А. Лекторского, М. К. Мамардашвили, С. И. Масаловой, А. А. Новикова, Б. И. Пружинина, Д. Сёрля, Б. С. Сивиринова, В. В. Попова, В. Н. Поруса, В. С. Черняк, Р. П. Шпаковой, В. В. Швырева, Б. С. Щеглова.

Человек как клиент услуг различных социальных сфер исследуется Н. А. Косянковой, О. Ю. Крыниной; с позиции понимания индивида как человеческого капитала – Ю. Е. Болотиным, Е. А. Батюта, Н. М. Габдуллиным, Е. Н. Гридневой. Технологизация социальных практик современного общества описана в работах Г. М. Акунина, В. А. Возчикова, Л. А. Тюриной. Символические аспекты социальных практик потребления исследованы в трудах Д. Н. Асламозишвили, Е. А. Блохиной, А. А. Сакуна, А. В. Ступкиной.

Гуманизация как характеристика общества потребления представлена в трудах Е. М. Догадовой, Е. Н. Родиной; характеристика сферы сервиса дана в работах П. Л. Зеленова, Н. А. Михеевой, Т. В. Ротарь, Ю. П. Свириденко, В. В. Хмелева, Г. В. Шелудько.

Понятие социальной дезорганизации как следствие слабой технологизации стало предметом внимания У. Томаса, Ф. Знанецкого. Институционализация сервиса в социальных практиках современности исследована в работах С. П. Антоневича, В. Г. Велединского, М. Б. Глотова, Л. А. Зеленова, О. Т. Лойко, М. Д. Молева, Р. Нозика, П. Д. Павленка, Е. И. Полтавской, О. И. Радиной, Ж. А. Романович, Л. А. Седова, Т. Н. Третьяковой.

Изменение целеполагания в контексте технологизации социальных практик отражено в трудах В. А. Архипова, В. Г. Афанасьева; В. А. Гавели, З. К. Давлетшина, Э. Дюркгейма, А. Г. Здравомыслова, В. Н. Иванова, В. И. Курбатова, Н. Ф. Наумовой, В. И. Патрушева, А. И. Кравченко, В. А. Ядова, А. И. Яценко и других.

Реификация и легитимация как процессы, сопровождающие технологизацию социальных практик, анализируют Л. О. Ерошенко, А. Е. Карпов, Л. А. Микешина, А. В. Лубский.

Хотя в вышеперечисленных работах затрагиваются различные аспекты рассматриваемой проблемы, тем не менее, технологизация в качестве важной составляющей социальных процессов исследована в них недостаточно

системно и целостно. Внимание ученых сосредоточено в основном на технологизации как прикладном явлении, которое изучалось только с позиции научно-технического содержания и не переносилось в социальную сферу. Данные обстоятельства не только предопределили тему диссертации, но и формулировку объекта, предмета, цели и задач исследования. Важным представляется и тот факт, что в работах по социальной философии до сих пор нет однозначного определения технологизации как таковой и технологизации социальных практик, в частности.

Объект исследования – социальные практики в современном обществе.

Предмет исследования – социально-философский аспект технологизации социальных практик в условиях современности.

Цель диссертации – провести социально-философский анализ роли технологизации социальных практик и их специфики как детерминант общественных изменений.

Задачи исследования.

1. Изучить эволюцию содержательного формирования и изменения концепта «социальные практики» в социально-философской мысли.

2. Провести теоретико-методологический анализ концепта «социальные технологии» как основания процесса исследования технологизации социальных практик.

3. Представить основные методологические стратегии исследования технологизации социальных практик; обосновать релевантность использования деятельностного подхода в качестве методологического основания исследования.

4. Раскрыть особенности социально-философского анализа технологизации социальных практик.

5. Выявить соотношение процессов технологизации и рационализации в жизни общества.

6. Дать характеристику функционирования нового типа социальной рациональности как движущей силы технологизации социальных практик современного общества.

7. Установить значение технологизации социальных практик сервиса в условиях жизнедеятельности социальных субъектов современного общества

8. Исследовать роль технологизации социальных практик в формировании идеологии общества потребления.

9. Охарактеризовать изменение целей, ценностей и мотивов социального действия в процессе технологизации социальных практик.

10. Интерпретировать перспективы институционализации сервиса на основе легитимации социальных практик в механизмах социальной структуры.

Авторская концепция диссертации. Технологизация представляется в качестве одного из направлений эволюции социальных практик. По своей

сути понятие технологизации социальных практик обращает вектор исследования с ориентации на рационализацию к социальной деятельности индивида в повседневных практиках. Технологизация рассматривается как основание для алгоритмизации социальных процессов не только в научно-технической, но и в социально-гуманитарной сферах. Включение понятия «технологизации социальных практик» в современное поле социально-философских исследований позволяет интерпретировать распространение технологий как необходимости воспроизводства нормального состояния социальной среды. Основу процесса технологизации составляет рационализация, приобретающая в настоящее время свои специфические характеристики и оказывающая активное влияние на иррациональные стороны повседневности. В ней весьма рельефно отражаются качества и черты, характерные для развития современного общества. Исследование социальных практик в структурном и феноменологическом аспектах, открывает перспективу видения динамики проблемы в контексте практик сферы сервиса. Понятийными основаниями социальных практик выступают общественная практика, социальное действие, социальный опыт и социальные институты. Они объединились в индивидуальном и социальном целеполагании, конструируя и во многом меняя жизнь общества и индивида. Данные выводы получены автором в результате теоретического осмысления и актуализации новых идей современной социально-философской парадигмы: теории социального действия, теории габитуса, концепции коммуникативной рациональности, социальной феноменологии, социального конструктивизма, теории технологизации как мыследеятельности. Всё это позволило комплексно подойти к социально-философскому анализу становления и развития технологизированных социальных практик, как многоаспектного, сложного и противоречивого явления.

Теоретическая и методологическая основа диссертации.
Теоретическая основа исследования. При анализе собственно технологизации социальных практик в контексте рационализации общества автор опирался на идеи: В. С. Швырева – о роли рациональности в современных процессах воспроизводства социальности; В. С. Степина – о характеристиках рациональности в научных картинах мира. Значимыми для реализации задач данного диссертационного исследования являются труды В. Г. Федотовой о характеристиках рациональности в традиционном и современном обществах, В. И. Пржиленского – о соотношении инструментальной и коммуникативной рациональности. При исследовании соотношения технологизации и рационализации автор руководствовался теоретическими положениями работ В. П. Кохановского, В. В. Попова, Б. С. Щеглова, анализировавших проблему в различных философских аспектах.

Теоретический базис исследования социальных практик составили концепции социального действия М. Вебера, Т. Парсонса. Их идеи позволили интерпретировать социальные практики как социальные действия, которые

организуют коллективный социальный опыт. Концепт А. Щюца «социальный опыт» дает возможность выявить и охарактеризовать процесс отрыва социальных действий от социальных паттернов в обществе традиционного типа и появление плюрализма социальных практик в современном.

Анализ моделей социального взаимодействия в процессах технологизации проведен на основе теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса с применением средств и методов социальной феноменологии и герменевтики, восходящей к теории структуризации Э. Гидденса и концепции социальных практик П. Бурдьё. Понимание общества как совокупности разнообразных форм жизни, восходящее к Л. Витгенштейну, позволило придать понятию «социальные практики» статус системообразующего понятия и выстроить на его основе концептуальный каркас социально-философского исследования феномена социальной технологизации. В сочетании с теорией современного общества как общества потребления понятие «социальные практики» становится ключевым для осмысления системообразующей роли института сервиса в современном обществе.

Для обоснования многообразия поведенческих практик в современных условиях привлечены основные положения и принципы феноменологии (Э. Гуссерль, А. Щюц), что позволило обратиться к анализу поведения индивидов и социальных групп в повседневности, то есть к социальным практикам.

Фундаментальное значение для работы имеет понятие «ratio serviens», введенное Б. И. Пружининым при построении культурно-исторической эпистемологии и позволяющее сформулировать контуры нового типа рациональности, лежащего в основе общества потребления.

Методологическую основу диссертации составил деятельностный подход, подкрепленный и дополненный для решения частных задач методологическими положениями социокультурного и аксиологического подходов, методологическими постулатами социальной феноменологии.

Понятие социальных практик было всесторонне исследовано как в социально-структурном (институциональном) формате, так и в социально-феноменологическом, что позволило проанализировать не только структурный и функциональный, но и динамический аспект проблемы. Постнеклассическая методологическая платформа, фундирующая диссертационную работу, способствовала также выявлению социокультурного контекста механизма формирования, функционирования и демонтирования социальных практик, то есть, запросы и ожидания общества и отдельных групп (индивидов) относительно их существования.

Методологические приемы культурно-исторической и социальной эпистемологии позволили концептуализировать сферу «ratio serviens» и рассматривать ее как проявление особого типа рациональности.

Для прояснения социального содержания технологизации использовались логико-диалектический анализ, метод единства исторического и логического, принципы системного подхода.

В работе последовательно применялись общепhilософские принципы. Принцип всесторонности – при анализе феномена технологизации; принцип историзма был положен в основу анализа эволюции рациональности; принцип детерминизма использовался при объяснении причин многообразия социальных практик.

Научная новизна исследования:

1) на основе изучения классических и неклассических подходов в авторской интерпретации произведено терминологическое уточнение понятия «социальные практики»; с социально-philософских позиций, разработана и обоснована комплексная теоретико-методологическая база исследования обозначенного концепта;

2) рассмотрен феномен социальных технологий и его генезис в истории социально-philософской мысли; выявлена факторная роль социальных технологий в процессах трансформации социальных структур и, в целом, в изменении конфигурации ценностной системы современного общества, а также уточнено соотношение понятий «социальная практика» и «социальная технология»;

3) аргументировано, что основными методологическими стратегиями рефлексии технологизации социальных практик являются структуралистский и феноменологический подходы; в качестве взаимного дополнения к ним выступает деятельностный подход, поскольку оба обозначенных выше фундированы пониманием социальной реальности не только как мыслительного конструкта, но и как сферы совместной деятельностной активности индивидов;

4) проанализированы роль технологизации в воспроизводстве форм общественной жизни и ее влияние на процесс упорядочивания социальных практик с присущими им элементами рационального и иррационального, что способствует повышению предсказуемости и управляемости поведения индивида и созданию устойчивых социальных оснований повседневной жизни;

5) расширены эвристические границы понимания того, что в XX веке рациональность как характеристика практических действий человека, сохраняя свою значимость в научной сфере, проявила предельность возможностей при воспроизводстве повседневных форм общественной жизни, что сделало объективно необходимым ее модификацию, артикулируемую как технологизация, которая явилась направлением развития социальных практик, изменив при этом не только социальную структуру, но и саму социальную рациональность;

6) с помощью социально-philософского инструментария доказано что технологизация социальных практик не означает отказа от коммуникативной рациональности в пользу инструментальной; в результате их сопряжения

произошла трансформация современного общества в общество потребления, а институт сервиса стал его институциональной базой

7) выявлено, что в условиях технологизации социальных практик последние сами становятся институтами и формируют сервис как структуру, способную выступать организующим и системообразующим началом для всей социальной реальности;

8) обосновано положение о том, что технологизация социальных практик потребления формирует сферу сервиса, в социальном пространстве которой складывается идеология общества потребления, характеризующаяся амбивалентностью социального действия и субъективных состояний индивида как потребителя услуг;

9) выработано авторское понимание того, что в условиях технологизации социальных практик корреляция социального и индивидуального целеполагания принимает иные, по сравнению с традиционным обществом, формы, что выражается в не прямом, а зачастую, манипулятивном воздействии на цели, ценности и мотивы социального действия индивида посредством формирования символических программ мышления, чувствования и поведения людей в современном обществе;

10) исследовано, что общественная потребность в формировании сервиса как одного из фундаментальных механизмов социальной структуры, обуславливает необходимость его институционализации на основе легитимации социальных практик, что позволяет упорядочить процессы социальной сферы, гуманизировать социум.

Положения, выносимые на защиту.

1. В процессе социальной динамики, в основном, стихийно в результате рутинизации и типизации повседневных действий социальных субъектов появлялись и последовательно оформлялись инструменты регулирования социальных процессов. К числу таких инструментов относятся и социальные практики, наиболее распространенные из которых сформировались в виде сфер общественной деятельности человека. Методологически переход от традиционной категории «общественная практика» к категории «социальные практики» отражает модернизацию концептуального каркаса социальной философии, обусловленную как развитием социальных и гуманитарных наук, так и внутренней эволюцией современного социально-философского знания. Социальная философия интерпретирует социальные практики как способы бытия социальной реальности, проявляющие себя во множестве сфер социума и, в то же время, воспроизводящие социальные черты повседневной жизни индивида. Включение понятия «социальные практики» в инструментарий социальной философии делает возможным уточнить многие характеристики социальной деятельности, повседневного бытия человека, а также создать релевантные реальности концептуальные схемы объяснения становления и развития его материальных и духовных потребностей в современном всё усложняющемся мире.

2. Социальная теория трактует феномен социальных технологий, как и социальных практик, инструментально и рассматривает их в качестве комплексных регуляторов социальных процессов, состоящих из сложного сочетания когнитивных, алгоритмических и иных приемов, включающих в себя как управление обществом в целом, так и деятельностью отдельных социальных групп и входящих в эти группы индивидов. В основу современного понимания социальных практик и процесса их технологизации положена теория ограниченной рациональности, требующая обращения к социокультурному (ценностно-мотивационному) контексту. Основанием для такого подхода является соотношение «культурное-технологическое» как задающее качественный уровень цивилизационного развития. Причем, технологическое развитие цивилизации не может оказаться выше уровня культуры этого общества без негативных последствий. Эти две сферы – технологическая и ценностная (культурная) должны развиваться когерентно, культура формулирует и легитимирует запрос на развитие социальных технологий и технологическое мировосприятие. Если этого не происходит, культура развивается дивергентно по отношению к технологической сфере (не поддерживает ее инноваций), что порождает социокультурный конфликт. Методологически отмежевание понятия социальных практик от понятия социальных технологий начинается там, где ставится вопрос об использовании научного знания в деятельности в качестве его доминанты. Социальная технология конструируется как искусственная, а не стихийная деятельность, в которой производится выявление полезности и предполагаемых перспектив, поэтому результатом приведения социальной практики к быстро достигаемому результату по оптимизированной и рассчитанной схеме становится процесс её технологизации.

3. Социально-феноменологический подход позволяет исследовать проблемы формирования, циклического движения, фиксации социальных коммуникаций и превращения их в социальные практики как постоянно воспроизводящиеся формы общественной жизни. Структуралистский (системно-структурный) подход отличается более выраженным «объективистским» характером исследования. Первоочередным элементом анализа при этом выступает социальная структура как объективная данность: сторонники этого подхода считают, что общество имеет в своей основе устойчивый «каркас» – структуру и, в целом, функционирует в соответствии с алгоритмами, заданными данной структурой. В ряде структуралистских подходов одним из наиболее релевантных является институциональный (неоинституциональный) подход, объясняющий, с помощью каких механизмов свобода выбора людей трансформируется в стихийные и регулярные социальные практики.

Парадигмальным сдвигом в социальной теории можно считать именно переход в исследовании социальности от субстанциональной схемы к коммуникативной, поскольку в контексте первой субъект понимался пассивно, а во второй – как включенный в ситуацию, наделенный статусом

«агента», поэтому анализ технологизации социальных практик производится, как минимум, в двух взаимосвязанных плоскостях: в поле социального и в поле повседневного. Первое эффективнее и эвристичнее исследуется методами структурализма (в разных его формах), второе – социальной феноменологией. И та, и другая – философские традиции. Они взаимосвязаны между собой дискурсом деятельностного подхода, который нашел методологические связи между антропологическим и социальным в поле социальной реальности. В формате деятельностного подхода социальные практики представлены как формы общественной деятельности человека и воспроизводства социальности в повседневной жизни индивида.

4. Технологизацию как социальный феномен следует рассматривать в ключе применения, внедрения, и даже, в определенном смысле навязывания социальным общностям и группам таких технологий, которые на заре истории человечества распространялись преимущественно на деятельность социальных субъектов в природной среде и базировались на практических знаниях. В процессе социальной эволюции технологизация распространилась на все сферы жизни общества, а технологии при этом стали опираться не только на практические, но все больше и больше на теоретические знания. Значимость технологизации связана с тем, что она позволяет упорядочивать, организовывать и воспроизводить жизнь общества, эффективно преодолевать его кризисные состояния, в том числе социальные патологии и коллизии, находить удачные пути разрешения возникающих и нарастающих социальных противоречий. При этом сами социальные группы и индивиды как социальные субъекты, выступая в данной ситуации в качестве субстанциональной основы общественного бытия, воспроизводят социальные технологии, которые распространяются на объектную (природа, материальные ресурсы, технические артефакты) и субъектную (человек и разнообразные способы его бытия в мире и формы повседневной деятельности) основы жизни современного социума. Технологизация социальных практик есть процесс их упорядочивания на основе системного формирования и воспроизводства моделей рационального или иррационального поведения социальных субъектов через появление новых модификаций их целенаправленной активности в обществе, связанных с регулярным возобновлением и институциональным закреплением форм социальной интеракции, релевантных современным условиям жизнедеятельности конкретного общества.

5. Со второй половины XX века социальная рационализация, прежде проявлявшаяся на уровне систем, структур и институтов, стала рельефно проявляться на уровне жизненного мира индивида, всё более распространяясь на сферы повседневного опыта, преобразуя социальные практики посредством их технологизации. При этом рационализации подвергались не только отдельные институты, но и целые комплексы социальных структур, институтов, целей и ценностей, образующие единые системы мысли и действия. Однако этот процесс изменил не только

социальную структуру, но также произвёл в форме обратного воздействия изменение самой социальной рациональности. Специфика последней проявляется в расширении границ её возможностей, то есть в эксплуатации современными технологиями иррациональных компонентов социальных действий; в открытии ее новых возможностей, таких, как персонализация и индивидуализация социальных практик в отдельных социальных сферах (сервиса, моды, рекламы); в позитивных (упорядочение социальных практик в социально-гуманитарной сфере) и в негативных (атомизация и замена личностной самореализации внешней атрибутикой) последствиях технологизации, что обусловлено выработкой внешней стратегии социального действия в условиях новой реификации. Парадоксальным образом при максимальном расширении границ рациональной сферы обнаруживается ее слабость и недостаточность в виде ограниченной рациональности действующего (как в рамках института, так и спонтанно) индивида.

6. Современное общество, все более превращающееся в общество потребления, перестраивает все свои структуры, институты и ценности в соответствии с новым типом рациональности – *ratio serviens*. Отличительной чертой *ratio serviens* выступает принципиально иной тип соотношения целей и ценностей, иной способ сочетания инструментального и коммуникативного целеполагания: легитимными составляющими социальных практик становятся не только рациональные, но и иррациональные элементы. Процесс массового потребления материальных и нематериальных благ уже сегодня является наиболее очевидным, системообразующим и значимым среди других социокультурных процессов. Технологизация социальных практик выступает системным параметром и основной детерминантой, формой неосознаваемого принуждения, которое формирует иерархию легитимных для данного общества потребностей. Эффектами технологизации социальных практик в обществе потребления являются: персонализация потребительских социальных практик с доминированием ценностных рядов, имеющих больший по сравнению с традиционным обществом потенциал реализации потребностей субъектов; появление критерия потребления как основы новой стратификации общества и сегментаризма; улучшение качества обслуживания населения как ответ на вызовы массовизации социальных практик потребления; проявление негативных эффектов, в том числе, нелегитимных и неодобряемых в обществе социальных практик потребления.

7. В обществе потребления традиционные социальные институты (семья, церковь, образование, государство) трансформируются под влиянием института сервиса, который начинает играть системообразующую роль. Социальный контракт, основанный на удовлетворении потребностей, а не на ригоризме, становится фундаментом отношений между людьми; отношения партнерства, основанные на взаимной пользе, оказываются в основе функционирования общества, его структур и институтов. В современной

социальной реальности начинают доминировать типы взаимодействия, необходимые для процессов обслуживания, услуги, сервиса, причем, само понимание услуги не только как товара, но и как формы взаимоотношения становится столь значимым, что выходит за пределы экономической сферы, распространяясь, например, на области образования, медицины, искусства и даже – религии.

8. В процессе технологизации социальных практик складывается новая сфера социального пространства – сфера сервиса, в основе которой лежат социальные практики потребления, направленные на преодоление стандартных моделей массового потребления, на изменение соотношения между элитарным и массовым в потребительских практиках. Если ранее, в середине XX века, технологизацией были охвачены сферы её «прямого» применения (техника, наука, экономика), то в настоящее время, в условиях комплементарного разрыва между культурным и социальным образовался диссонанс, который вызвал к жизни целый ряд социальных практик, детерминирующих сложности социально-культурной идентификации личности в процессах потребления. Общество в ситуации расширения свободы выбора моделей и стратегий удовлетворения потребностей индивида создает предпосылки для самостоятельного поиска и реализации возможностей, делающих социального субъекта уникальным, но не присоединяющим его к социальной общности, которая могла бы предоставить социальные стратегии идентификации. Сфера сервиса образует пространство идеологии общества потребления. Идеологемами социальных практик потребления в сервисе выступают: внимание к запросам клиента, эмпатия, толерантность, новации, которые по своему содержанию означают подмену личностного начала индивидуализированным, в таком случае личность интерпретируется в качестве объекта технологизации социальных практик.

9. Целеполагание в контексте технологизации социальных практик выступает как социальное и индивидуальное целеполагание. При социальном целеполагании в условиях технологизации социальные институты и механизмы создают ситуацию манипулирования действиями и представлениями индивида путем вовлечения его в такие социальные практики, которые позволяют изменить его целеполагание. Ведущую роль при этом играет трансформация целей, ценностей и мотивов социального действия. Механизмы социального целеполагания превращают суммированный индивидуальный выбор в достаточно противоречивый процесс воспроизведения социальных практик, где ориентации и цели не всегда транспарентны и понятны для индивида. Как в социальном, так и в антропологическом мире целеполагание выступает как противоречивый процесс. С одной стороны, сам индивид в своем выборе, хоть и не чужд общественной выгоды, но приоритет чаще отдает индивидуальной. С другой стороны, перед обществом стоит задача «заставить» индивида делать выбор в пользу общества как высшей ценности. Чаще всего этого удается достичь с

помощью манипуляционного вовлечения индивида в социально значимые виды деятельности, корректирующие индивидуальные ценности и мотивы поведения. Именно благодаря индивидуальному целеполаганию в ходе становления личности у субъекта возникает ориентация на комплекс социальных установок, в результате чего индивидуальная активность мотивируется определенным образом.

10. Институт сервиса делает легитимными социальные практики посредством институционализации норм, в том числе законодательно и посредством признания их на уровне обыденного сознания и повседневных социальных практик индивидов. Легитимизация социальных практик сервиса позволяет преодолеть негативные черты неразвитости социальной сферы, носящие бинарный характер: на социальном уровне они проявляются в кризисных состояниях социальной среды, обусловленных неэффективным функционированием ее социальных институтов, деформацией социальных практик; на уровне социального субъекта – в слабой интегрированности индивида в социум, в деформациях социализации, в дезадаптации.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая значимость исследования. Научные результаты, полученные автором диссертации, способствуют дальнейшему развитию социальной философии в направлении изучения источников социальных изменений и социально-философской интерпретации социальных практик в контексте технологизации. Дополнение теории социального действия концепцией технологизации социальных практик позволяет расширить представления о современной социальной реальности.

Анализ технологизации как качественно нового этапа развития социальной рациональности и рассмотрение изменения целеполагания в контексте технологизации социальных практик будут содействовать дальнейшей разработке теории современного общества на данном научном направлении. Установленная связь общества потребления с новым типом рациональности – «ratio serviens» – позволяет дополнить философскую концепцию рациональности социально-теоретическим содержанием. Работа усиливает базовый социально-философский подход методологией преодоления «кризиса фрагментации» современного общественно-научного знания в направлении исследования источников социальных изменений.

Исследование вносит существенный вклад в разработку социально-философской теории деятельности; в работе установлена связь между упорядочиванием и алгоритмизацией различных форм социальной деятельности в рамках технологизации; внесено предложение о необходимости учитывать при анализе социальных изменений понятие технологизации наряду с такой характеристикой деятельности, как рационализация.

Раскрыт гносеологический потенциал концепции социального действия в ее философской интерпретации для выявления механизма трансляции

культуры и определения места технологизации в нем (эвристическая схема механизма трансляции культуры).

Практическая значимость исследования. Основные положения и выводы диссертации о возможностях процессов технологизации при воздействии на иррациональные начала человека в условиях активного развития социальных технологий современности существенно расширяют эвристические возможности теоретического осмысления реалий современного мира и создают предпосылки для формирования новых концепций его практического преобразования.

Настоящее исследование технологизации социальных практик может учитываться при разработке стратегии и тактики развития российского общества в новых исторических условиях, неоспоримо его значение для формирования элементов государственной социальной политики. Существенное воздействие полученные результаты окажут на модернизацию содержания учебных дисциплин «Философия», «История и философия науки и техники», «Социальная философия», «Современная культура: проблемы и перспективы», «Теория модерна», «Технологизация социальных практик», «Управление коммуникациями», «Социальные практики в сервисе».

Основные постулаты работы могут быть применимы при разработке и чтении элективных курсов, отражающих тематику проблем сервиса, социальных практик, социальной работы и других.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Отражённые в диссертации научные положения соответствуют области исследования специальности 09.00.11 – Социальная философия, особенно в следующих ее пунктах 4. Социальная философия в современном мире. Стимулы философской рефлексии в начале XXI века. 5. Сущность и существование социальной реальности как предметообразующая проблема социальной философии. 8. Социально-философская трактовка потребностей и интересов действующего субъекта. 9. Проблемы современной философии сознания в их социально-философской трактовке. Феномен «свободы воли», роль сознания в праксеологическом отношении человека к миру. Сознательное, бессознательное и подсознательное в деятельности людей. 10. Целепостановка и целереализация как операциональные подсистемы деятельности. Социально-философская интерпретация проблемы соотношения цели и средств деятельности. 11. Стимулы и механизмы становления человека и общества. Социально-философские проблемы антропосоциогенеза. 13. Современные концепции «социального действия» в их философской интерпретации. 14. Формы и механизмы социальной детерминации. Социокультурная причинность. Необходимость, случайность в деятельности людей. Проблема доминант и детерминант общественной жизни. 24. Источники и механизмы социокультурного изменения. 33. Глобальные проблемы современной цивилизации.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры философии СКФУ и рекомендована к защите по специальности

09.00.11 – Социальная философия. Основные положения диссертационной работы нашли отражение в семи монографиях, в восьмидесяти четырех научных статьях по теме исследования: из них 17 публикаций в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем публикаций – 80,5 п.л., из них по теме диссертации – 50,6 п.л.

Основные результаты и выводы диссертации докладывались автором на конференциях различного уровня: в форме тезисов и статей на 18-ти международных конференциях (Омск, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Ставрополь, Шахты, Киев, Невинномысск, Тамбов, Новосибирск, Уфа, Москва), на 8-ми всероссийских конференциях (Тула, Новосибирск, Шахты, Пенза, Волгоград, Ростов-на-Дону), на V Российском философском конгрессе «Наука. Философия. Общество» (Новосибирск, 2009 г.), на 8-ми региональных чтениях и конференциях (Новочеркасск, Ставрополь, Шахты). Автор апробировал результаты диссертационного исследования в 6-ти зарубежных публикациях.

Опубликованные материалы используются преподавательским составом Северо-Кавказского федерального университета, Донского государственного технического университета на лекционных и семинарских занятиях по социальной философии, политологии, культурологии, при подготовке студенческих дипломных и курсовых работ, магистерских диссертаций. На базе исследования разработаны и внедрены в учебный процесс Донского государственного технического университета спецкурсы «Технологизация социальных практик», «Социальные практики в сервисе».

Структура и объем работы определяются общей концепцией, целью и приоритетными задачами диссертации, состоящей из введения, трёх глав, содержащих 12 параграфов, заключения, библиографического списка литературы, включающего 409 источников. Общий объем машинописного текста – 332 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** представлена общая характеристика работы: обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, всестороннее освещение получает степень научной разработанности проблемы, определяется объект и предмет, формулируются цель и основные задачи диссертации, рассматриваются ее теоретико-методологические основания, указывается научная новизна, излагаются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, её апробация.

Первая глава – «Теоретико-методологические основания социально-философского исследования технологизации социальных практик» – посвящена выявлению сущностных характеристик исследуемого феномена – технологизации социальных практик – и обоснованию применяемой в диссертации методологии.

В первом параграфе – «Понятие социальных практик в категориальном аппарате социальной философии» – получают всестороннее

обоснование наиболее значимые теоретические подходы к пониманию феномена социальных практик в социальной теории.

В процессе своего становления человек как личность объективно осознаёт свои потребности и субъективно предъявляет их обществу. Со временем эти потребности возрастают и становятся всё более разнообразными. В связи с этим в рамках современной социальной философии и социальной теории постоянно возникают вопросы: каким же образом общество влияет на целостное или фрагментированное осознание этих потребностей, их приоритетность, и самое главное – как общество может детерминировать их появление, целенаправленно управлять и, наконец, манипулировать ими? Результат последовательного концептуально-теоретического разрешения этих вопросов – появление в категориальном аппарате социальной теории, а затем и социальной философии понятия «социальные практики». В контексте социальной философии социальные практики интерпретируются как способы существования социальной действительности, проявляющиеся во множестве общественных сфер деятельности человека, выступая формами воспроизводства социальности в повседневной жизни индивида. При всем многообразии социальных практик человек все больше включается именно в социальные практики потребления, которые в современном обществе выступают способами существования социальной реальности и формами воспроизводства социальности.

«Социальные практики» – синтетическое понятие, возникшее в условиях кризиса методологии социальных наук во второй половине прошлого столетия в результате расширения понятия «социальная практика». В теории К. Маркса, где понятие социальной практики являлось базовым, понятие «социальная практика» не предполагало его применения во множественном варианте. Сама же «социальная практика» представлялась универсальным понятием для объяснения всех сфер общественной жизни. Марксов подход к социальным явлениям, несмотря на его многочисленные достоинства, фактически игнорировал повседневные рутинизированные практики и, собственно, структурированность жизненного мира человека. В настоящее время термин «социальные практики» представляется как необходимый феномен для более полного и адекватного объяснения явлений культурной, политической и экономической жизни общества, воспроизводящих деятельность индивида. Именно понимание фундаментальности фактора усложнения общества в современных условиях, а также осознание явного и латентного нарастания дифференциации социальных институтов и разрастания в социальном пространстве элементов социальных систем в XX веке (и их разрастание по экспоненциальному варианту уже в XXI веке) позволили провести в социально-гуманитарном знании качественный переход от категории «социальная практика» к категории «социальные практики» и, более того, методологически успешно использовать этот термин в разнообразных концепциях социального познания.

В последней четверти XX века, прежде всего, благодаря разработкам П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса происходит парадигмальный переход от

понятия «общественной практики» к термину «социальные практики», который во многом определяет основные направления социально-философской мысли в этот период. В исследовании использованы идеи П. Бурдьё, который применяет понятие габитуса, имеющего в своем содержании субъективную (когнитивные процессы и социальные действия) и объективную (социальные поля) составляющие, где приоритет принадлежит последней как объективному основанию воспроизводства социальных практик. Концепция структуризации Э. Гидденса позволяет вести речь о процессе социальных практик, описываемом при помощи терминов «действие» и «структура». Повышенное внимание диссертанта к теории Ю. Хабермаса привлекли коммуникативные практики субъекта. Кроме того, в работе нашли отражение концепции Л. Витгенштейна, М. Фуко и А. Шюца. Эвристический характер имеет и парсонсовская идея предсказуемости поведения индивидов на основе усвоения общих норм и ценностей при анализе технологизации социальных практик в «прозрачных» социальных сферах (образование, экономика и т. д.) как открытого (осознаваемого человеком) воздействия на его социальные действия и в сферах латентной технологизации, когда она производит манипулирование поведением людей и создание иллюзии свободного выбора.

В классической парадигме предметом социально-философской рефлексии в исследуемом аспекте выступала практика как деятельное преобразование человеком окружающего мира. Марксизм конкретизирует такое понимание практики введением в нее труда как основного социального процесса и выявлением роли человека как субъекта деятельности. Усложнение процессов общественного развития расширяет те сферы социальной жизни, в которых человек реализует себя, удовлетворяя все новые и новые потребности. Это приводит к тому, что, наряду с трудом, объектами изучения в социальной философии становятся иные социальные практики (образование, игра, общение). Первостепенное значение начинают приобретать ранее игравшие второстепенную роль в обществе социальные практики повседневности – сервис, мода, реклама, PR и другие. Они во многом послужили основанием нового понимания социального бытия современного человека.

Во втором параграфе – «Концепт "социальные технологии": теоретико-методологические основания исследовательского анализа» – в контексте методологических компетенций социальной философии, в частности, деятельностного подхода, рассмотрено понятие социальных технологий и их роль в процессах трансформации социальных структур и формировании новой системы ценностей современного общества.

Социальная теория понимает феномен социальных технологий инструментально, то есть, как комплекс или механизм, позволяющий целенаправленно регулировать социальные процессы. Этот комплекс состоит из сложного сочетания когнитивных, алгоритмических и иных приемов, позволяющих осуществлять процесс социорегуляции, включающий в себя как управление целым общественным организмом, так и деятельностью отдельных социальных групп и входящих в эти группы индивидов. Дескрипция социальных

технологий в социально-гуманитарном знании ведется давно, что позволило создать хорошо разработанное направление исследований, которое включает в себя ряд фиксированных концептов, таких, как «социальные практики», «социальное действие», «социальный субъект (актор)», «социальный опыт». Существуют также довольно обширные философские исследования социальных технологий, в основу которых, в целом, положена теория ограниченной рациональности Г. Саймона. Данная теория базируется на установке, что, как индивид в отдельности, так и общество в целом, не рациональны полностью, в классическом понимании, а «ограниченно» рациональны, то есть, не могут всегда принимать верные решения, исходя исключительно из рационального расчета. Поэтому для адекватного отражения того, как разрабатываются и внедряются в общественную жизнь социальные технологии, требуется обращение к социокультурному (ценностно-мотивационному) контексту, способному объяснить закономерности принятия людьми тех или иных решений (помимо объяснения унифицированных правил действия и нормативных систем, которые часто рассматривают в виде социального каркаса или институционального «скелета» общества).

Две наиболее важные общественные сферы – культура и техногенная сфера – в современной социальной философии на сегодняшний день различены и описаны как самостоятельные: установлено, что каждая из них имеет собственную логику и динамику развития. Эти две сферы взаимозависимы, дополняют и тактируют друг друга. Общество, разработавшее эффективные техногенные средства воздействия на природу не может достигнуть положительных результатов, если не будет обращаться к гуманитарной экспертизе, способной установить их соразмерность с интересами, целями и ценностями тех или иных социальных групп. При этом различение социальных технологий и социальных практик ещё не стало правилом, оно далеко не всегда бывает очевидным, не имеет однозначных критериев, ситуативно и дискуссионно.

В целом, понятие социальных технологий охватывает практически все аспекты рациональной человеческой деятельности, его исследование предполагает обращение к многочисленным бинарным оппозициям «стихийного-упорядоченного», «естественного-искусственного» и другие. Рассматриваемое понятие включает в себя сферу, как приватной человеческой жизни, так и публичной, как профессиональной деятельности, так и дилетантской, как частную жизнь индивидов, так и организацию-управление большими массами людей.

Методологическая база рассмотрения социальных технологий строится на постулатах деятельностного подхода: различение социальной технологии и социальной практики; отмежевание первой от второй, которое начинается там, где ставится вопрос об использовании в деятельности научного знания в качестве базы. Социальная технология конструируется как искусственная деятельность, в которой выверена полезность предполагаемых социальных перспектив. Часто разработка и верификация социальной технологии

принадлежит не какой-то науке, а целому междисциплинарному научному сообществу, которое служит удовлетворению общественного запроса или запроса власти на тот или иной результат.

В третьем параграфе – «Методологические основания социально-философской рефлексии технологизации социальных практик: структуралистский и феноменологический подходы» – проводится исследование методологических подходов к анализу социальных практик, находящихся в двух основных стратегиях: феноменологической и структуралистской.

Феноменологический подход делает акцент на проблемах формирования, циклического движения и фиксации социальных коммуникаций, а также – на отражении этих воспроизводящихся, регулярных/иррегулярных коммуникаций на жизненном мире социального субъекта. Структуралистский подход отличается более выраженным «объективистским» характером исследования. Первоочередным элементом анализа при этом выступает социальная структура как объективная данность. Несмотря на очевидные отличия, в этих методологических стратегиях присутствует нечто общее – социальная реальность в них понимается не только как исключительно мыслительный конструкт, но и как сфера совместной деятельности активности. Социально-философской основой такой трансформации является переход от субстанциалистской парадигмы мышления к реляционной. Оба направления – и структурализм и социальная феноменология – правда, с разных позиций – определяют в качестве проблемного поля пространство интерсубъективных смыслов, то есть, к представлениям о том, что практика – это материальная деятельность, добавляется пласт культурно-символических значений, из которых эта регулярная деятельность «произрастает». Практики продуцируются агентами социальных полей, социальные поля, в свою очередь, воспроизводят субъектов/агентов. Как структуралистское, так и феноменологическое направление большое внимание уделяют коммуникации как ключевому звену изменения социальных практик. Поэтому анализ технологизации социальных практик лежит как минимум, в двух взаимосвязанных плоскостях: в поле социального и поле повседневного.

В параграфе утверждается, что для исследования технологизации социальных практик общества не существует единого, наиболее эффективного метода, поскольку сами социальные практики распадаются как минимум на две большие группы, требующие различных подходов к их изучению. Первая группа практик – экономические и политические, вполне поддающиеся прямому измерению, математическому калькулированию и точному прогнозированию, больше подходит для изучения с помощью структуралистского подхода. Вторая группа социальных практик, включающая духовные, образовательные, научные и прочие, не поддается прямому калькулированию и имеет своей целью не прямое наращивание эффективности, а наибольший изоморфизм и соответствие ценностным запросам общества. Это дает основание по-новому взглянуть на процесс технологизации социальных практик, с одной стороны, как на

формальный процесс, а с другой – как на содержательный процесс, когерентный ценностным изменениям общества относительно этих практик. В первом случае, полагает автор, возможно релевантное применение структуралистского подхода, выявляющего социальные структуры и их изменения. Во втором случае – там, где возникает необходимость не просто описывать институциональные комплексы, а идеи и ценности, направляющие и закрепляющие изменения социальных практик – уместно обратиться к социально-феноменологическому и социокультурному подходам. Первый способен описать состояние общественного сознания, требующего или отвергающего изменения, а второй – рассмотреть в динамике синхронно-диахронные изменения социальных практик, поскольку из трёх аспектов: структурного, функционального и динамического – социокультурный подход наиболее эффективен в отношении динамического аспекта исследования объекта.

В четвертом параграфе – «Деятельностный подход как методологическая стратегия исследования технологизации социальных практик» – выдвигается и обосновывается идея о правомерности применения деятельностного подхода к изучаемому явлению.

Деятельностный подход первоначально применялся к понятию «социальная практика», которая понималась как деятельность социально-исторического субъекта по преобразованию системы общественных отношений. Следовательно, этот подход может быть применён и для анализа социальных практик, которые являются качественно новым этапом развития социальной практики. Однако, как известно, развитие общества детерминирует расширение и дополнение методологических позиций социальных наук. Социальные практики, понимаемые как совокупность социального действия и социального опыта, характеризуются плюрализмом и проявляются как коммуникативные, языковые, потребительские практики, а также – познавательные, нагруженные когнитивными смыслами и значениями. Социальные процессы становятся более доступными для понимания, если связываются с интерпретациями социальных действий и социальными практиками, воспроизводящимися в социальной деятельности социальных агентов. Это требует несколько иного ракурса применения деятельностного подхода посредством его дополнения введением субъекта деятельности в объяснительные стратегии. Деятельностный подход, согласно исследованию, не может в полной мере объяснить современные социальные практики в их повседневности, так как они включают не только процессы труда, но и иные социальные феномены – познавательные, речевые, коммуникативные, ценностные. Социальные практики повседневности – реклама, сервис, маркетинг, игровые практики – становятся наиболее значимыми формами общественной деятельности. Расширение возможностей деятельностного подхода как привлечение взаимодополняющих подходов, разработка и применение методологических приемов междисциплинарного синтеза, дает возможность обсуждать и анализировать не только жизнедеятельность абстрактного человека в его традиционных формах деятельности, но и новые феномены, затрагивающие субъективные моменты

жизни человека, её культурные проявления: речь, язык, смыслы, коммуникации и т.д., смысловую и ценностную нагрузку социальных практик в различных сферах жизни общества. Деятельностная парадигма является базовой для исследования социальных процессов, в том числе и процесса технологизации социальных практик как вектора их развития. Для целей исследования представляется необходимым и правомерным расширение деятельностного подхода за счёт дополнения его аксиологическим объяснением социальных практик. В диссертации делается вывод о том, что деятельностный подход является базовым, основополагающим для исследования технологизации социальных практик.

Во второй главе – «Технологизация социальных практик: особенности развития» – всесторонне обосновываются качественные изменения, которые произошли в сфере социальной рациональности, и определяется обусловленность её модификации в контексте технологизации современной жизни общества.

В первом параграфе – «Особенности социально-философской рефлексии феномена технологизации социальных практик» – проводится анализ феномена технологизации в контексте социальной философии.

В условиях технологизации социальных практик сознание и поведение человека становятся объектами применения новых социальных технологий, которые сам же человек и создает в процессе практического освоения мира. В быденном языке появляются термины, связанные со сферой потребления и массовыми коммуникациями, технические названия, возникающие благодаря новым достижениям науки и технологии. В повседневных представлениях индивида технологизация означает связь человека с техникой, совершенствование технологий, развитие техносферы и другое. Современные отечественные ученые, исследующие проблему технологизации, чаще всего рассматривают ту или иную конкретную сферу технологизации, что не позволяет определить ее сущностные характеристики и тем самым сделать предметом социально-философской рефлексии. Анализ позиций исследователей, отражающих различные стороны феномена технологизации, обнаруживает их явно выраженный прикладной характер без уточнения его сущности и содержания, что вполне может быть оправдано в работах, не относящихся к социальной философии. Вместе с тем, в исследованиях все более чётко начинает отражаться направленность интереса социально-гуманитарных наук на явление технологизации, в них все чаще и чаще предпринимаются попытки анализа технологизации, выявления её последствий, факторов и модификаций. В данной же диссертации реализуется подход к технологизации социальных практик с позиции проблем, затрагивающих социальное бытие человека. Специфика рефлексивного социально-философского осмысления технологизации социальных практик заключается в выявлении того, чем именно являются последние в повседневной жизни общества.

Технологизация интерпретирована автором как особый этап социальной рационализации. Под рационализацией при этом понимается процесс

привнесения разумного начала во весь спектр практической деятельности человека, в которой приоритетными выступают разумные формы социальной практики, одобренные обществом, закрепленные в сознании человека.

С усложнением общественной жизни и деятельности человека как её практико-преобразующей основы появилась потребность в объяснении не только рациональных действий индивида с позиции толкования их в контексте рационализации, но и технологизации. К этому времени понятие технологизации было включено в содержание конкретных наук и понималось в качестве устойчивой суммы хорошо формализованных, отчуждаемых операций, которые направлены на определенный результат (А.И. Неклесса). До тех пор, пока в понятие технологизации вкладывался только лишь технический смысл, а технико-технологические процессы не рассматривались с позиции их последствий для человека и общества, в том числе, и негативных (кризис ценностных ориентиров, сложности идентификации, возможности манипулирования поведением человека, дегуманизация), потребности в социально-философском анализе технологизации не возникало.

В параграфе выявлена тенденция развития социальных практик, сопровождающаяся необъяснимыми, с точки зрения обыденного разума, формами воспроизводства социальности. Последствия технологизации социальных практик, обернувшиеся для человека и общества существенными кризисными последствиями, не замедлили отразиться на духовной сфере, вызвали личностную деструкцию и социальную напряженность. Воздействием технологизации социальных практик на человека и общество в целом детерминирована потребность обращения социальной философии к данному феномену.

По мнению автора, социальные действия индивида в основе своей имеют рационализацию, что приводит не только к технизации общества, но и к созданию множеств рациональностей. Границы и возможности рационализации как механизма, управляющего социальными процессами, стали при этом претерпевать некоторые трудности, которые, например, можно выразить в следующем: роль и объем иррационального в жизни общества постоянно растёт, а возможности объяснить иррациональное средствами рационального стали уменьшаться. Отсюда – признаки кризиса инструментального разума и возникновение задачи: поиск новых вариантов интерпретации иррационального.

Разработанная западными учёными методология исследования технологизации позволила получить широкий спектр мнений, интерпретаций и характеристик рационализации и технологизации. Методологические приемы типизации обозначенных феноменов в работах М. Вебера, глубокий научный анализ социального действия в творчестве Т. Парсонса, обоснование соотношения универсального и феноменального у Г. Маркузе открыли исследовательские ориентиры и позволили сформировать новые выводы об эволюции социальных практик, их содержательных характеристиках и связях с социальной рациональностью.

Далее отмечается, что метаморфоза социальной рациональности проявляется в изменении ее возможностей (эксплуатация современными технологиями иррациональных компонентов социальных действий); в задействовании новых возможностей, таких, как персонализация и индивидуализация социальных практик в отдельных социальных сферах; в позитивных и в негативных эффектах. Технологизация трактуется автором как одно из наиболее значимых направлений развития социальных практик. Феномен технологизации понимается в контексте алгоритмизации социальных процессов во всех сферах. В целом, теоретический конструкт «технологизация социальных практик» ведет линию изучения данной проблемы от рефлексии рационализации к повседневным практикам.

Во втором параграфе – «Технологизация социальных практик в ситуации рационализации общества» – анализируется соотношение технологизации и рационализации и даётся характеристика социальной рациональности.

Социально-философский анализ позволил автору прийти к выводу об утрате рациональностью права существовать в качестве научного понятия и интерпретироваться как некий эталон. Переосмысление социальной рациональности связано с открытием ее историчности: на каждом историческом этапе обнаруживаются новые черты и утрачиваются прежние, рациональность становится неотъемлемым элементом социальных и культурных реалий. Историзм рациональности связывается с существующими в культуре формами разумности, способствующими развитию механизмов деятельности, мышления и коммуникации на фоне наличествующих социальных отношений. Функционирование рациональности, её признание и отвержение детерминированы социальными условиями существования общества. Формирование социальной рациональности происходит в процессе технологизации, которая способствует упорядочиванию и алгоритмизации различных форм социальной деятельности.

В параграфе указывается на методологический потенциал социальной рациональности с позиций ее реализации в деятельностном аспекте для анализа роли «ratio serviens» в процессах технологизации социальных практик. Соотношение технологизации и рационализации заключается в том, что последняя во многие эпохи при воспроизводстве социальных систем апеллирует к разуму. В свете рефлексии социальной философии это оборачивается характеристикой отношений сознания и бытия, строгих рациональных форм, метафизически существующих вне повседневной жизни индивида и общества. Но человеческая история кроме теоретических продуктов, которые в идеальном виде интерпретируют социум как надорганическую реальность, как организационную форму воспроизводства социальности, оставляет за скобками мир повседневности, полный иррационального, событийного и не всегда предсказуемого в поведении людей. Технологизация социальных практик, трактуемая учеными прошлого века как рационализация общественной жизни, включает в себя «нарастающую иррационализацию культуры и внутренней

жизни современного человека» (А.В. Матецкая). Рационализация выступает ядром технологизации, не теряя своего значения и научного статуса. Получая качественные изменения в новых контекстах жизни общества, она начинает учитывать человекообразные и гуманистические последствия, а не только научно-технические факторы. Рационализация понимается как инкорпорирование процессов разумного, логически упорядоченных социальных практик в прежде стихийные процессы природы и социального. В индивидуальном бытии – это постановка на первый план рациональной составляющей мотивации действия социального субъекта. Современная рационализация характеризуется глубоким проникновением технологий в различные сферы социального бытия. В индустриальном обществе это понятие применяется исключительно к научно-технической сфере, а в сознании индивидов не выходит за ее пределы. Укоренение технологий в других сферах приводит к тому, что предметными областями технологизации выступают экономика, политика, культура, образование и другие структуры повседневности. Современная социальная рационализация касается, прежде всего, организации жизни общества рыночных отношений, она отражает общую тенденцию развития социальных структур, институтов и сфер общества к изменению под воздействием рациональности. По мнению автора, технологизацию социальных практик не следует противопоставлять рационализации, более того, её надо рассматривать как дополняющую процессы рационализации.

Таким образом, в современном обществе процессу технологизированной рационализации подвергаются социальные структуры и институты, цели и ценности, образующие единые системы мысли и действия. Это изменяет социальную структуру, создает ситуацию обратного воздействия на саму социальную рационализацию. Её особенности – в расширении собственного потенциала, в воздействии современных технологий на иррациональные компоненты социальных действий, поиске новых перспектив развития технологизированных социальных практик.

В третьем параграфе – «"Ratio serviens" как движущая сила технологизации социальных практик» – для иллюстрации одной из новых форм рациональности в условиях современного общества в социально-философском контексте представляется и обосновывается понятие «обслуживающего разума». Технологизация социальных практик рассматривается в качестве инструмента, с помощью которого происходят социальные изменения, при этом, важнейшим фактором данных изменений выступает сам тип рациональности, лежащий в основе общества потребления.

Анализ эволюции форм рациональности и связанных с ней модусов разума показал: классический тип рациональности основывался на законодательном разуме. Этот разум назывался «законодательным» потому, что только с ним связывались процессы преобразования и познания окружающего мира и всех явлений в жизни общества. Его ограничения особенно зримо проявились тогда, когда, во-первых, стало ясно, что возможностей законодательного разума

недостаточно для объяснения феноменов иррационального характера (аффектов, интуиции, бессознательного и др.). Следствием этого явилась иррациональная философия, а в самой философии появилась новая методология. Во-вторых, с помощью классической (научной) рациональности не получалось объяснить те социальные явления, которые не были порождены законодательным разумом (бунты, реформы, революции и др.) или не являлись объектами его проявления и, как следствие, не выступали объектом философской рефлексии в рамках классической рациональности. В связи с этим, формируется неклассический тип рациональности, включающий, наряду с научной, социальную рациональность. Изначально основу социальной рациональности составлял технический или инструментальный разум, который применялся для тех сфер общественной жизни, в которых использование технологий было необходимостью. Столкнувшись с новыми социальными реалиями, философы вынуждены были осознать, что разум как инструмент преобразования и познания объективного мира становится инструментом подавления, порождает в жизни общества феномены реификации, отчуждения.

В параграфе отмечается, что в традиционном и индустриальном обществах люди усваивали одни и те же культурные образцы и нормы примерно за один и тот же период времени, содержание этих норм и ценностей изменялось достаточно медленно. В настоящее время, в постиндустриальном обществе имеет место многообразие норм и ценностей, зачастую с диаметрально противоположным содержанием, которое достаточно быстро усваивается только частью членов общества, а затем отторгается и сменяется другим. Это обусловлено рядом факторов, среди которых свобода выбора, демократизация, развитие СМИ, отсутствие жесткой регламентации в выборе форм социального действия. Во многом это объяснимо и возможностями современного производства материальных и духовных благ.

В результате рефлексии социальной философии над создавшейся ситуацией появилось понятие «ratio serviens». Введенное Б.И. Пружининым в научный оборот, оно открывает новую эпоху в развитии не только рациональности, но и общества в целом и оценивается, скорее, негативно, так как существует зависимость данного типа рациональности от всевозможных прагматических задач, и она объясняется фрагментарностью последнего. «Ratio serviens» ничего не созидает, он – «разум-слуга», обслуживающий потребности современного человека, являющегося в определенном смысле порождением общества потребления. Другими словами, речь идет о разуме, низведенном до статуса слуги, что может показаться еще более уничижительным, чем введенное Ю. Хабермасом понятие инструментального разума как антитезы разуму коммуникативному. В связи с этим, диссертант замечает, что после всего «многообразия разумов» (от чистого и практического у И. Канта до научного у К. Хюбнера и коммуникативного у Ю. Хабермаса) введение понятия обслуживающего разума может показаться избыточным. Вместе с тем в параграфе подчеркивается, что термин «ratio serviens» позволяет предельно

точно и ёмко выразить специфику социальной рациональности в обществе потребления.

В современности логика развития социальных воззрений подчиняется логике «*ratio serviens*», так называемой линии развития обслуживающего разума. Прагматизм и эгоизм, технологичность как критерий выбора качества социальных практик, обеспечивающих быстроту и доступность объекта потребления, привлекает индивидов даже в тех сферах, где ранее «царил» законодательный разум. Это можно наблюдать в смене приоритетов: способ, технология доставки объекта потребления в условиях коммуникативного разума представляет собой большую ценность, чем непосредственное получение и хранение знания. Во взглядах западных ученых XIX-XX веков развитие общества связывалось с рациональностью как с попыткой объяснения устройства жизни социума. Социальная философия постепенно пришла к выводу, что один и тот же тип рациональности не может всё время превалировать и сменяется другим. Науке длительное время отводилась роль образца и опоры развития рациональности, наука мыслилась как базовая сфера общества. У индивида был выбор форм своего поведения, но в рамках общепринятого и санкционированного обществом. В современную эпоху наблюдается смена мегатренда в эволюции социального действия и смысло содержания сферы рационального. Изменение обозначенного вектора обусловлено развитием сферы потребления. Данный процесс имеет глобальный характер, преодолевает межгосударственные культурные границы, при этом, происходит изменение содержания сферы потребления в непосредственных социальных практиках потребления. Эти практики сочетают ценности эпох и эклектику стилей. В аксиологическом отношении в условиях «*ratio serviens*» индивид не всегда испытывает затруднения при выборе ценностной основы, мотива, быстро меняет решения о своем выборе. Период разворачивания «*ratio serviens*» ученые иногда называют пострациональным периодом (В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов). В параграфе отмечается, что технологизация сохранила ядро рационализации, но изменила систему мотивации, сместила акценты с цели на средства социальной деятельности.

В заключение автор делает вывод, что в контексте анализа процесса технологизации социальных практик впервые появляется возможность увидеть действительные последствия эволюции традиционных и индустриальных обществ в условиях, когда потребление становится системообразующим фактором социального бытия и подчиняет его своей логике.

Четвертый параграф – «Ratio serviens: между инструментальным и коммуникативным применением разума» – посвящен анализу современных интерпретаций природы и свойств рациональности в социальной философии, на основе чего выдвигается и обосновывается идея коммуникативной рациональности, уделяющей внимание процессу общения.

Исходный тезис данной части исследования – о необходимости взаимодополнения инструментальной рациональности коммуникативной. Он показывает допустимость их синтеза в возможностях модификации «*ratio*

serviens»). Коммуникативная рациональность проявляет и превосходит себя в повседневности, но повседневность воспринимается как «фермент», и все же, она не может существовать без рациональных основ жизни, рационализации и дополняющей её технологизации. Но рациональность, по выражению Б. Вальденфельса, иссушила бы живую линию жизни. Поэтому диссертант настаивает на понимании инструментальной рациональности как ограничивающей повседневные формы общественной жизни.

Технологизация становится ключевым фактором развития социальных практик, модифицирует их, преодолевая при этом ограничения инструментальной рациональности. Она как бы трансформирует соотношение инструментальной и коммуникативной рациональностей. Поэтому социальную деятельность индивида во многом все еще соотносят с приоритетами и законодательным статусом инструментального разума. Последний продолжает быть значимым в сферах науки и техники, но дополняется социальными практиками, для которых коммуникативный разум, ставящий на первое место ценность взаимодействия, выступает основой формирования цели и причиной выбора социального действия. Некоторое равновесие инструментальной и коммуникативной рациональности обнаруживается во второй половине XIX века, затем оно нарушается, что определяет несоответствие инструментального (эпоха «прозрачной» рационализации) и коммуникативного разума (эпоха латентной рационализации).

Далее, с целью успешного решения задач, обозначенных в диссертации, автор обращается к идеям Ю. Хабермаса, который открыл своего рода парадокс: с одной стороны – модернизация общества выставляет свои претензии на рациональность и, в первую очередь, социальную, а с другой – культурные последствия модернизации не всегда проявляются рационально.

В коммуникативной теории философ выделяет следующие составляющие процесса коммуникативной рациональности – это субъект, который формирует смыслы, внешний, или объективный, или модальный мир, а также сумма социальных отношений, мир субъективных переживаний, что проявляется в различных соотношениях в ряде областей жизни общества и культуры. В параграфе делается вывод, что технологизация практик иначе представляет баланс инструментального и коммуникативного состояний рациональности. Отмечается, что социальные практики, лежащие в границах рациональности, не всегда дают эффект и «срабатывают», поэтому требуют дополнений технологизированного типа. Целенаправленное рациональное действие служит воспроизводству жизни и реализуется через отношение к индивидуальному самосохранению, где преследуется одна абстрактная цель – обеспечение своего случайного постоянства.

Понятие «коммуникативный разум», по мнению автора, показывает то, что рациональность связана больше с социальными факторами бытия индивида, с повседневными социальными практиками, обнаруживающимися в коммуникациях, а не с наукой и действиями разума как с инструментами познания. В пределах коммуникативной рациональности производятся

процедуры отбора реально действующих ценностей и норм в обществе и науке. Именно здесь происходит выработка новых, претендующих на общезначимость ценностей и норм.

В параграфе отмечается, что коммуникативный разум выдвигает на первый план социальные практики диалога, поддерживающие иллюзии взаимодействия между индивидами, иногда имитирующие социальное действие в современных социальных практиках сервиса.

В классической рациональности технологизация связывается с социальными сферами, в которых разум выступает в качестве «законодателя». Это обусловлено тем, что для индивида и общества эти сферы являются технологически «прозрачными» сферами социальных практик (экономика, наука, техника и другие). Современная социальная философия опирается, как на возможности классической рациональности, рефлектирующей над «прозрачными» сферами социальных практик, так и на постнеклассическую, которая делает объектами своего рассмотрения латентные для осознания индивида сферы социальных практик. Эти социальные практики основаны на рациональных технологиях, на стремлении к прибыли. Но для воздействия на индивидов, пользующихся услугами сферы потребления в качестве клиентов, в них заложена цель – влияние на иррациональные сферы психики, например, на эмоции, образы и т.п. Становясь участниками этих практик, они воспроизводят их. Такие практики формируют потребность постоянного воспроизводства моделей социального действия. При внедрении новых социальных технологий конструируется такая социальная реальность, где есть место эффекту массовости и большим возможностям манипуляции социальными действиями индивида. На основе выбранного критерия, среди других общностей выделяется новая социальная общность – общность потребления, а современный индивид именуется как *homo consumer*. Для него все важнейшие социальные процессы – от социализации до социальной идентификации – связаны с потреблением, что во многом и обеспечивают социальные практики сервиса.

Кризис личностной идентичности показывает, что вектор развития социальной рациональности приобретает интерактивные характеристики, чему способствует нарастание приоритетов коммуникативного разума. Нарушение некоторого равновесия между инструментальным и коммуникативным разумом приводит к пониманию, что инструментальная рациональность по преимуществу присутствует в сферах науки, техники, экономики.

В итоговой части параграфа речь идет о влиянии качественного изменения рационализации, обретшей черты технологизации, на эволюцию социальных практик – от их однообразия к плюрализму, от преимущественной эксплуатации инструментального разума к ориентации на «*ratio serviens*». Автор подчеркивает, что «разум обслуживающий» проявляется на трех основных уровнях: на уровне институционализации сферы обслуживания (сервиса), на уровне появления общества потребления, а на уровне социального субъекта – во вхождении в «ткань» его жизни социальных практик потребления. Делается вывод, что развитие социальных практик в условиях технологизации больше

изучены науками в конкретных сферах, данные исследования носят прикладной характер. В современной социальной философии недостаточно внимания уделяется проблемам технологизации, в отличие от процессов компьютеризации, глобализации, информатизации, и связи исследуемого феномена с ними. Технологизация – это процесс, определяющий производство и реализацию алгоритмов в социальных процессах технического и социального порядка, создающий прецеденты социальных изменений в социально-структурной диспозиции и в представлениях и поведении индивидов. Недостаточная исследованность технологизации как детерминанты общественных изменений выступает стимулом философской рефлексии в XXI.

В третьей главе – «Проявления технологизации социальных практик в современном обществе» – всесторонне исследуется феноменальность разнообразных социальных практик в основных сферах бытия индивида; определяются возможные и реальные последствия технологизации: проникновение технологий в различные сферы жизни человека, включая социальную и гуманитарную сферы; воздействие технологий на мир и на самого человека, на развитие общества потребления, вызвавшее к жизни новый образ мышления и новую психологию у человека в роли потребителя.

В первом параграфе – «Трансформация социальных структур в обществе потребления» – выявляются и исследуются основные факторы, существующие в обществе потребления и оказывающие влияние на все его сферы. Особое внимание уделяется институту сервиса, который играет в данном случае системообразующую роль.

Технологизация социальных практик в условиях общества потребления обладает тотальностью по отношению к потребностям и является объективным основанием для формирования статусного потребления, что проявляется в ряде социальных эффектов. В обществе потребления большое значение имеет не столько потребление материальных благ, сколько услуги, которые не обладают предметной формой, но отличаются неосязаемыми статусными и символическими характеристиками.

Отмечается, что в настоящее время возрастает значение тех наук, которые связаны с изучением прагматических аспектов повседневных практик. Одной из таких новых отраслей научного знания является сервисология. Феноменология сервиса достаточно развита, и накопленные эмпирические факты сервисизации социальной реальности требуют научной рефлексии. Это в первую очередь происходит в экономических отраслях науки, таких, как маркетинг, менеджмент. Результаты данного процесса значимы по социальным последствиям, поэтому их следует рассматривать в проблемном поле социальной философии. Трансформация социальных структур и ценностей в современном обществе потребления проявляется в ряде эффектов, в частности: в индивидуализации потребительских социальных практик с преобладанием ценностных рядов; в большем, по сравнению с традиционным обществом, потенциале удовлетворения потребностей индивидов; в возрастании роли потребления как критерия новой иерархии общества; в повышении качества обслуживания при

условии охвата большей части населения социальными практиками потребления. Негативные эффекты сферы потребления выражаются в нелегитимных социальных практиках потребления в сфере сервиса. Эффектами технологизации социальных практик в обществе потребления являются: персонализация потребительских социальных практик с доминированием ценностных рядов, имеющих больший по сравнению с традиционным обществом потенциал реализации потребностей субъектов; появление критерия потребления как основы новой стратификации общества и сегментаризма; улучшение качества обслуживания населения как ответ на вызовы массовизации социальных практик потребления; проявление негативных эффектов, в частности, нелегитимных социальных практик потребления в сфере сервиса.

Таким образом, социальная философия, анализируя современное общество, указывает на один из важных индикаторов его трансформации – на потребление. При этом последнее может быть определено как системный показатель, а в глобальном плане – как своеобразная форма неартикулированного и латентного насилия над личностью социального субъекта, так как схемы потребления во многом структурируются рекламой и образом жизни, пропагандируемых СМИ. То есть структура потребления парадоксальным образом ориентирована не на потребности собственно человека, а на возможности и приоритеты экономических институтов, а также на сложившиеся повседневные практики.

Во втором параграфе – «Технологизация целей, ценностей и мотивов социального действия» – выявляется роль технологизации социальных практик в процессе формирования символических программ мышления, чувствования и поведения людей, рассматривается процесс целеполагания в контексте технологизации социальных практик, который включает как социальное (коллективное) так и индивидуальное целеполагание.

Технологизация целей трактуется автором как исторически новая модификация целеполагания, когда соотношение социального и индивидуального целеполагания формируется по-другому, чем в индустриальном обществе. Оно становится многоуровневым: индивидуальным, присутствующим в проектировании будущего действия индивида как мыслительный акт, и социальным, когда социальные механизмы и институты воздействуют на индивида путем вовлечения его в социальные практики, трансформирующие целеполагание. Под технологизацией целей понимается изменение соотношения целей и средств деятельности. Это проявляется в изменениях статусных позиций, что обнаруживается в повышении значения роли клиента, потребителя услуг.

Суть данной трансформации сводится к процессам замещения традиционных ценностей (приоритет состояния) на явления материального мира (приоритет удовлетворения). В системе традиционных ценностей основное место занимали счастье и коллективное благополучие. Развитие сервиса привело к усилению его роли в жизни общества и экспансии на духовную подсистему. Это проявляется в том, что индивиды при формировании жизненной траектории

в индивидуальном целеполагании ориентируются на достижение и поддержку состояния материальной удовлетворенности в ущерб трансцендентному счастью.

Предпосылкой для технологизации ценностей выступает то обстоятельство, что товары и услуги из разряда элементов материального мира переходят для членов общества потребления в разряд социально значимых ценностей. Технологизация в сфере духовного проявляется в ротации ценностей, когда происходит вытеснение традиционных ценностей и замещение их товаром или услугой, чьё значение возвышается до уровня ценностей. В сфере материального потребления индивид вследствие технологизации оказывается в состоянии псевдовыбора.

Большую роль в технологизации ценностей играют коммуникативные практики, где есть модели ценностного взаимодействия, в которых и присваиваются ценности. Технологизация ценностей – это один из результатов достижения нового качества рационализации социального действия. Здесь присутствуют положительные моменты индивидуализации и возможностей выбора. Но есть и отрицательные, которые обнаруживаются в усилении управляемости, манипуляции социальными действиями индивидов. В социальных практиках потребления доминируют ценности пользы и выгоды. При этом ценностно-нормативное содержание данных практик трансформируется в зависимости от меняющейся системы общественных отношений.

В параграфе делаются выводы о том, что, во-первых, произошла трансформация соответствия между содержанием и результатами социального действия индивида, вовлеченного в социальные практики. Во-вторых, технологизация социальных практик проявляется в ряде случаев как изменение целеполагания (когда мотивация социального действия становится иррациональной). Она создаёт не прямые варианты манипулятивного воздействия на цели, ценности и мотивы социального действия. В-третьих, технологизация социальных практик создаёт прецеденты в экономике сервиса и открывает новые возможности получения прибыли. Обратной стороной этих явлений в духовном плане становится разрушение ценностной иерархии индивида современного общества, что в индустриальном обществе считалось аномией. В-четвертых, выявлена так называемая играизация социальных практик с образованием псевдореальности, где обнаруживают себя феномены отчуждения и реификации. Это отразилось на процессе социализации современного поколения, когда на смену усвоения системы ценностей пришла ситуация равнозначного выбора аксиологических траекторий.

В третьем параграфе – «Сфера сервиса как основное пространство технологизации социальных практик в обществе потребления» – исследована идущая в обществе потребления технологизация социальных практик, которая содержит механизмы влияния на социальные действия индивида в сервисе.

Современное общество представляет собою пространство технологизации. Последние два столетия человечество наблюдало экспансию технологической

культуры в сферу труда и техники. Сегодня влиянию технологизации подвергается индивид, виды его деятельности и досуга. Плоды цивилизации – современные технологии, с одной стороны, создали индивиду предпосылки для самостоятельного поиска и реализации своих возможностей, делающих социального субъекта уникальным, а, с другой – открыли перспективы поиска собственных, личностно окрашенных решений, позволяющих воспользоваться технологизированными социальными практиками. Технологизация, как социальное явление с активными результатами и формирующейся идеологией потребления, наиболее ёмко концентрируется в сфере сервиса. Демократизация общества, политические свободы оборачиваются в экономике разнообразием не только технологий материального производства, но и комплексом социальных технологий, которые проявляются в виде потребительских практик. Популярность и степень их привлекательности для индивидов постоянно растёт. Общество, в свою очередь, получает эффективный механизм влияния на социальные действия, вкусы, цели и ценности социальных субъектов. Вместе с тем индивид не всегда получает материально ощутимые результаты, часто их место занимают духовно-символические.

В параграфе обосновывается авторская позиция о коммуникативной природе сервиса и его организационной природе воплощения. Это позволило развить идею о том, что в основе социальных практик сервиса лежит особое соотношение коммуникативной и инструментальной рациональности. Оно проявляется в первую очередь в том, что коммуникативный характер рациональности обнаруживается в технологизации процесса продвижения продукта от производителя к конечному потребителю. Коммуникативность является транслирующимся социальным опытом, частью профессиональной компетенции агентов сервиса. Инструментальная рациональность – это техническая и технологическая инновации, что находит отражение в продуктовых, управленческих, научно-технических и технологических новшествах. Логика развития постиндустриального общества обуславливает превалирующее развитие коммуникативной рациональности по отношению к инструментальной.

С опорой на наработки отечественных исследователей (В.В. Радаев, В.В. Хмелев, Г.В. Шелудько) в параграфе выявлены проблемы в развитии сервиса, одной из которых является «поле» нелегитимных социальных практик потребления. Они, с одной стороны, являются отражением сложных процессов трансформации основных политических и правовых институтов, а, с другой, – результатом непрочной институциональности социальных практик. Следующий ряд проблем касается существования российского сервиса в условиях мировой экономики, что вызывает к жизни вопросы о восприятии и развитии сервиса в контексте русского национального характера, об адаптации форм западного сервиса в России и другие. Сфера сервиса, закономерная в контексте западноевропейской культуры, – всё ещё относительно новая для современной России. В ней достаточно широко представлено разнообразие возможностей для манипулятивных социальных практик под воздействием сервисных идеологов

(среди них – объективация материального благосостояния и его демонстрация, идеологема «иллюзорности» и другие).

Социальные практики, основанные на идеях и ценностях общества потребления, отличаются от традиционных ценностей общества. Данные ценности, создающие идеолого-аксиологическую основу общества потребления и носящие специфический характер, амбивалентны – они демонстрируют эгоизм индивидуальных потребностей, толерантность по отношению к запросам клиента сферы сервиса, гуманизм, преодолевающий тенденцию к технократизму, инноватику как расширение спектра социальных практик сервиса. Наряду с новыми нормами, оценками, вкусами сервису имманентно присущи латентные механизмы властного управления социальными действиями индивида.

В настоящее время спектр анализа сервиса с точки зрения социальных характеристик и мотивации существенно расширился; потребление начинает рассматриваться в аспекте активного развития в потребительских практиках специфических форм социального принуждения. В основе социальных действий лежат идеологемы общества с доминированием сферы сервиса, среди которых – персонификация, гуманизм и толерантность.

Четвертый параграф – «Институционализация сервиса в процессе технологизации социальных практик» – посвящён анализу социальных потребностей, в ответ на которые формируется институциональная структура сферы сервиса.

В современном обществознании сервис представлен как сформировавшийся социальный институт. Растет благосостояние общества, и, как следствие, формируются законодательные механизмы сервиса, регламентируются нормы взаимодействия его субъектов. В свою очередь степень развития сервиса как социального института в значительной мере влияет на уровень и качество жизни общества.

Социальный институт сервиса создаёт условия для легитимации социальных практик посредством институционализации норм, в том числе законодательно и посредством признания их на уровне обыденного сознания и в повседневных социальных практиках индивидов. В ходе исследования обнаружено, что технологизированные социальные практики проникли в сферу социального обслуживания, где базовые потребности индивида не всегда выполнимы им самим. Помехой тому является трудная жизненная ситуация, неблагоприятная, слабо адаптивная социальная среда, физические, либо умственные ограничения жизнедеятельности человека. Социальные практики в этой сфере отвечают всем параметрам обслуживания, однако инициатором, разработчиком алгоритмов выступает государство.

В параграфе отмечается, что социальная работа для индивида в роли клиента социальных услуг предстаёт не только в виде объективной реальности, но и как совокупность представлений и смыслов. Составляющие профессионализма работников данной сферы, не всегда определяются в физических параметрах. Они включают в себя знание социальных практик

обслуживания, психологии, законов права, ценностные составляющие, связанные с личным опытом, мнением, убеждением, установками индивидов, испытывающих трудности социальной адаптации. Сегментарность объектов социального обслуживания требует выработки особых технологий как алгоритмов социальных практик. Продуктивность деятельности рассчитана на контакт клиента и агента социального обслуживания как их совместного бытия, которому способствует деятельность социальных служб в воспроизводстве социальных практик. Они технологизированы и представляют, по своей сути, социальную коммуникацию.

Технологизация социальных практик является условием и стимулирующим фактором последующего развития институционализации сервиса. Социальные практики сервиса учитывают исторический и мировой опыт технологизации социальных практик в процессах предоставления различного рода обслуживания. В рамках социального института сервиса находят свое воплощение гибкость социальных практик, через них организуется и воспроизводится общественная жизнь, что обеспечивает непрерывность социальных связей в пределах социальной организации.

В **Заключении** автором подводятся итоги диссертационного исследования, представляется общая характеристика авторской концепции технологизации социальных практик с учетом специфики российской действительности и намечаются дальнейшие пути, обозначенные как три перспективы разворачивания социально-философской мысли в исследовании обозначенной проблематики. Во-первых, важным представляется дальнейшая модернизация концептуального аппарата социальной философии, связанного с переходом от понятия «общественная практика» к понятию «социальные практики». Основания для такого утверждения дают выявленные в ходе исследования объяснительные и эвристические возможности данной терминологической инновации. Во-вторых, следует продолжить изучение процессов технологизации социальных практик в прикладном аспекте. Эти процессы распространяются на весь спектр межиндивидуальных, внутригрупповых и межгрупповых взаимодействий. В-третьих, заслуживает внимания тема сервиса, в частности, «ratio serviens» как особый тип рациональности, аккумулирующий вокруг себя все основные институты и ценности общества потребления. В заключении также делается вывод о том, что в современных условиях развития социума назрела насущная потребность в комплексных социально-философских, культурологических и исторических исследованиях технологизации в контексте новейших достижений в сфере научно-технического прогресса, социальных технологий, технологий социального управления и проектирования. Все это выступает совокупностью детерминант и служит предпосылкой для концептуализации сложной и многогранной проблемы технологизации социальных практик в современном обществе.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Родионова, В.И. Социально-культурные практики: аспекты философско-культурологического анализа [Текст] / В.И. Родионова // Социально-гуманитарные и экономические науки. – 2009. – № 5. – С. 45 – 56. – 0,7 п. л.
2. Родионова, В.И. К вопросу об эвристическом потенциале концептов «социальные практики» и «социальный опыт» [Текст] / В.И. Родионова // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – №12. – С. 160 – 167. – 0,6 п. л.
3. Родионова, В.И. О специфике социальных практик сервиса в обществе потребления [Текст] / В.И. Родионова, Т.И. Барсукова // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – №12. – С. 180 – 186. – 0,6/0,3 п. л.
4. Родионова, В.И. Основные характеристики общества потребления: опыт социально-философского анализа [Текст] / В.И. Родионова // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – №1. – С. 18 – 23. – 0,4 п. л.
5. Родионова, В.И. Трансформации символических социальных практик в условиях технологизации [Текст] / В.И. Родионова // Власть. – 2010. – №3. – С. 20 – 23. – 0,28 п. л.
6. Родионова, В.И. Социальная рациональность и возможности коммуникативного разума [Текст] / В.И. Родионова, Т.П. Болотова // Власть. – 2010. – №5. – С. 50 – 53. – 0,4/0,2 п. л.
7. Родионова, В.И. Социальные практики: модификация содержания [Текст] / В.И. Родионова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – №5. – С. 17 – 21. – 0,4 п. л.
8. Родионова, В.И. Технологизация социальных практик и идеология общества потребления [Текст] / В.И. Родионова // Власть. – 2010. – №6. – С. 29 – 32. – 0,4 п. л.
9. Родионова, В.И. Социальная рациональность в контексте технологизации социальных практик [Текст] / В.И. Родионова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №5. – С. 251 – 255. – 0,5 п. л.
10. Родионова, В.И. Социальные практики потребления в проблемном поле социально-гуманитарных наук [Текст] / В.И. Родионова, Л.Р. Закирова // Вестник МГЛУ. – 2011. – №3. – 0,7/0,4 п. л.
11. Родионова, В.И. Институализация сервиса в социальных практиках современности [Текст] / В.И. Родионова // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – №12. – С. 187 – 192. – 0,6 п.л.
12. Родионова, В.И. Изменение целеполагания в контексте технологизации социальных практик [Текст] / В.И. Родионова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – №6. – С. 291 – 297. – 0,6 п. л.
13. Родионова, В.И. Социальные практики сервиса: социально-философский анализ [Текст] / В.И. Родионова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №3 (часть 3). – С. 83–89. – 0,55 п. л.
14. Родионова, В.И. Целеполагание в процессах технологизации современного общества [Текст] / В.И. Родионова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №2(9). – С. 43 – 54. – 0,55 п. л.
15. Родионова, В.И. Социальные практики в условиях технологизации: основные подходы и интерпретации [Текст] / В.И. Родионова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – №1. – С. 224 – 237. – 0,75 п. л.
16. Родионова, В.И. Деятельностный подход и понятие «социальные практики» в современной философии [Текст] / В.И. Родионова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №6 (часть 1). – С. 170 – 173. – 0,45 п. л.
17. Родионова, В.И. Социальные практики жизнеобеспечения граждан: к вопросу о социально-экономической ответственности в условиях современных реформ [Текст] / В.И. Родионова, Н.Т. Обоймова, Г.П. Довлатян // Современные проблемы социальных наук. – 2014. – №10. – С. 94 – 108. – 0,46/0,15 п.л.

Монографии:

18. Родионова, В.И. Ценностные измерения антропологизма сервиса в современной культуре [Текст] / В.И. Родионова, В.В. Котлярова // Ценностные основания сервиса в современной культуре: монография. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2006. – С. 51 – 83. – 6,0/3,0 п. л.

19. Родионова, В.И. Технологизация социальных практик: опыт социально-философского анализа [Текст] / В.И. Родионова. – Монография. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2010. – 133 с. – 8,25 п. л.

20. Родионова, В.И. Значение принципа системности [Текст] / В.И. Родионова, В.В. Попов, В.С. Шигоров, Б.С. Щеглов, В.В. Котлярова и др. // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития. Монография. – Книга 10. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2006. – С. 51 – 61. – 25,6 /0,4 п. л.

21. Родионова, В.И. Философские и психологические аспекты технологизации [Текст] / В.И. Родионова, Н.Б. Андренов, Е.Ю. Положенкова, А.М. Страхов и др. // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография. – Книга 14. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2007. – С. 138 – 148. – 14,25/0,7 п. л.

22. Родионова, В.И. Социальные практики и формы рациональности в современных процессах воспроизводства социального [Текст] / В.И. Родионова, Е.А. Авджян, Е.В. Бахуташвили, Л.В. Булыгина, Т.Н. Духина, Ю.Ф. Косинцева, В.Ю. Максимов, В.В. Чеверда // Современный мир: философский, политический и социальный взгляд через призму социальных практик: монография. – Ставрополь: Изд-во: Кавказский край. – 2009. – С. 6 – 28. – 15/1,0 п. л.

23. Родионова, В.И. Рациональность и социальные практики в условиях цивилизационных сдвигов России: теоретический анализ [Текст] / В.И. Родионова, Е.Ю. Положенкова, В.В. Котлярова, К.В. Воденко, Г.И. Могилевская, М.М. Шубина // Рациональность и наука в современном пространстве России в условиях цивилизационных перемен: монография. – Новочеркасск: Изд-во ЮРГТУ (НПИ), 2009. – С. 42 – 71. – 8,2/1,2 п. л.

24. Родионова, В.И. Технологизация социальных практик в современном обществе [Текст] / В.И. Родионова. – Монография. – Шахты: Изд-во ИСОП (филиал) ДГТУ, 2014. – 146 с. – 9,25 п. л.

Зарубежные публикации, в т. ч. и на английском языке

25. Родионова, В.И. Social-humanitarian science about social-cultural practices in historical epochs [Текст] / В.И. Родионова // Наука и общество на грани тысячелетий: Сборник научных трудов по материалам 1-й Международной научно-практической интернет-конференции. – Киев: «Софт-Принт», 2009. – С. 116 – 119. – 0,7 п. л.

26. Родионова, В.И. Carity as a socio-cultural phenomenal Áktuální vymoženosti vědy – [Текст] / В.И. Родионова, И.Г. Шарков // MateriályVII meznárodní vědecko-praktická conference. – Díl 9. Filosofie. Historie. Administrativa: Praha. – Publishing House «Education and Science», 2011. – P. 29 – 35. – 0,3 /0,15 п. л.

27. Родионова, В.И. Service in the context of the theory of the consumer society [Текст] / В.И. Родионова, Сысоева Е.А., Дмитриенко Н.А. // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – №4(11), часть 3. – С. 86 – 87. – 0,3 / 0,1 п.л.

28. Родионова, В.И. Form-building principal, status and features of orthodox culture [Текст] / В.И. Родионова, И.Г. Шарков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – №4(11), часть 3. – С. 86 – 87. – 0,3 / 0,15 п. л.

29. Родионова, В.И., Social practices of rehabilitation of disabled children in the context of social changes [Текст] / В. И. Родионова, А. В. Кашина, А. В. Неверова // Молодой ученый. – 2014. – №3. – С. 101 – 103. – 0,3 / 0,1 п.л.

Статьи в других научных изданиях, тезисы докладов:

30. Родионова, В.И. Техника и техническая культура в XX веке (статья) [Текст] / В.И. Родионова, Е.К. Загребина // Роль антикризисных явлений в достижении стабильности общества: Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2005. – С. 40 – 42. – 0,2/0,1 п. л.

31. Родионова, В.И. Методологические подходы к исследованию технологизации культуры [Текст] / Родионова В.И. // Современное общество: проблемы и направления развития: Материалы международной научно-практической конференции. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2007. – С. 196 – 204. – 0,6 п. л.

32. Родионова, В.И. Системный подход в анализе процесса технологизации культуры [Текст] / В.И. Родионова, В.В. Котлярова, Е.В. Иванова // Философия в XXI веке: международный сборник научных трудов. – Выпуск 2. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2007. – С. 162 – 169. – 0,5/0,2 п. л.

33. Родионова, В.И. Технологизация культуры как предмет философской рефлексии [Текст] / В.И. Родионова // Наука в современном обществе: состояние и тенденции развития: Материалы Первой межвузовской научной конференции. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – С. 70 – 72. – 0,3 п. л.
34. Родионова, В.И. К вопросу о технологизации культуры в современности [Текст] / В.И. Родионова // Наука в современном обществе: состояние и тенденции развития: Материалы Первой межвузовской научной конференции. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – С. 74 – 77. – 0,3 п. л.
35. Родионова, В.И. Аспекты технологизации современной культуры [Текст] / В.И. Родионова // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – С. 95 – 97. – 0,5 п. л.
36. Родионова, В.И. Анализ персоналистических технологий в социально-культурной сфере [Текст] / В.И. Родионова // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – С. 97 – 99. – 0,5 п. л.
37. Родионова, В.И. Потребности как антропологические основания технологизации [Текст] / В.И. Родионова // Рубикон: Сборник научных работ молодых ученых – Выпуск 46. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 10 – 11. – 0,9 п. л.
38. Родионова, В.И. Миф как социально-культурный механизм в условиях технологизации античности [Текст] / В.И. Родионова, М.Г. Налесная, М.Б. Элькинд // Лосевские чтения: Труды международной ежегодной научной конференции. – Новочеркасск: Изд-во ЮРГТУ (НПИ), 2008. – С. 42 – 48. – 0,5 / 0,25 п. л.
39. Родионова, В.И. Интерпретации техники в работах великих мыслителей XIX века [Текст] / В.И. Родионова, Е.В. Иванова // Глобальное versus локальное: российская провинция в условиях глобализации (философские, социологические, социокультурные и политические проблемы): Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Невинномысск: Изд-во НГГТИ, 2008. – С. 254 – 258. – 0,4/0,2 п. л.
40. Родионова, В.И. Экономические и психологические аспекты в теории сервиса [Текст] / В.И. Родионова, А. А. Плехина, Т.И. Цапцина // Современные проблемы развития туристской индустрии: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2008. – С. 7 – 10. – 0,5/0,16 п. л.
41. Родионова, В.И. Технологизация как социально-культурный механизм формирования потребностей человека в эпоху Возрождения [Текст] / В.И. Родионова, Т.С. Бурим // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2008. – С. 112 – 114. – 0,7/0,35 п. л.
42. Родионова, В.И. Потребности и модели поведения человека в контексте гуманитарных технологий [Текст] / В.И. Родионова, И.И. Фартучная // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2008. – С. 114 – 115. – 0,7/0,35 п. л.
43. Родионова, В.И. Архетипы и колористика в социально-гуманитарной сфере технологий [Текст] / В.И. Родионова, Н.Г. Черепанова // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2008. – С. 100 – 102. – 0,7/0,35 п. л.
44. Родионова, В.И. О социально-культурных основаниях и функциональном значении технологизации социальных практик [Текст] / В.И. Родионова, Е.Г. Зайцева // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2008. – С. 98 – 100. – 0,7/0,35 п. л.
45. Родионова, В.И. О некоторых функциях технологизации культуры [Текст] / В.И. Родионова // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-н/Д., Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2008. – С. 139 – 143. – 0,7 п. л.
46. Родионова, В.И. Сервис как одно из условий самореализации личности [Текст] / В.И. Родионова // Социальные процессы в современном региональном сообществе: Материалы Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: «Сервисшкола», 2008. – С. 134 – 137. – 0,3 п. л.
47. Родионова, В.И. Технологизация и рационализация: опыт сравнительного анализа [Текст] / В.И. Родионова // Философия в XXI веке: Международный сборник научных трудов. – Выпуск II. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2008. – С. 54 – 63. – 0,7 п. л.
48. Родионова, В.И. Социально-культурные практики в контексте философии и социологии знания [Текст] / В.И. Родионова // Философия и наука: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Ставрополь: «Сервисшкола», 2009. – С. 82 – 86. – 0,8 п. л.

49. Родионова, В.И. Специфика социальных практик в религиозном универсуме в поликультурном обществе [Текст] / В.И. Родионова // Образование и религия в поликультурном сообществе: диалог и проблемы: Материалы Международной конференции. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2009. – С. 189 – 195. – 0,4 п. л.
50. Родионова, В.И. Социально-культурные практики как механизм конструирования социальной реальности [Текст] / В.И. Родионова, Е.С. Чепурных // Наука в современном обществе: состояние и тенденции развития: Материалы Всероссийской научной конференции. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2009. – С. 214 – 216. – 0,7/0,35 п. л.
51. Родионова, В.И. Аспекты исследования технологизации культуры в массовом сознании современного человека [Текст] / В.И. Родионова // Наука в современном обществе: состояние и тенденции развития: Материалы Всероссийской научной конференции. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2009. – С. 125 – 129. – 0,7 п. л.
52. Родионова, В.И. Современные проблемы научного поиска в социально-гуманитарных науках [Текст] / В.И. Родионова // Философия и наука: проблемы развития и преподавания: Сборник научных трудов. – Ростов-н/Д., Изд-во СКАГС, 2009. – С. 188. – 0,1 п. л.
53. Родионова, В.И. Аспекты исследования технологизации культуры в массовом сознании современного человека [Текст] / В.И. Родионова // Наука в современном обществе: состояние и тенденции развития: Материалы Всероссийской научной конференции. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2009. – С. 125 – 129. – 0,7 п. л.
54. Родионова, В.И. Профессионализм социального работника в контексте теории социальных практик [Текст] / В.И. Родионова, Е.Е. Писаренко // Российская цивилизация: прошлое, настоящее и будущее: труды межрегиональной научно-практической конференции. – Часть 2, Ставрополь: ООО «Мир данных», 2009. – С. 98 – 101. – 0,3/0,15 п. л.
55. Родионова, В.И. Ценностные аспекты потребительских практик в сервисе [Текст] / В.И. Родионова, И.В. Федотенко // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей. – Т.1. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2009. – С. 259 – 262. – 0,7/0,35 п. л.
56. Родионова, В.И. Анализ социально-культурных практик в современной философии культуры [Текст] / В.И. Родионова // Система ценностей современного общества: Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. – Часть 1. – Новосибирск: – Изд-во «СИБПРИНТ», 2009. – С. 126 – 128. – 0,6 п. л.
57. Родионова, В.И. Эвристический потенциал понятия «Социально-культурные практики» [Текст] / В.И. Родионова // Наука. Философия. Общество: Материалы V Российского философского конгресса. – Том 1. – Новосибирск: «Параллель», 2009. – С. 132. – 0,1 п. л.
58. Родионова, В.И. Анализ социальных и культурных аспектов технологизации социальной реальности [Текст] / Родионова В.И., Н.Э. Доброквашина // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2010. – С. 126 – 128. – 0,7/0,35 п. л.
59. Родионова, В.И. Технологизация социальной работы: аспекты анализа [Текст] / В.И. Родионова // Комплексная реабилитация: наука и практика. – 2010. – №3. – С. 113 – 121. – 0,63 п. л.
60. Родионова, В.И. Социальные практики в контексте современной эпистемологии (тезисы) [Текст] / В.И. Родионова // Социогуманитарные проблемы строительного комплекса: труды шестой Международной конференции. – М.: Изд-во МГСУ. – С. 108 – 113. – 0,3 п. л.
61. Родионова, В.И. Специфика социальных практик России в условиях модернизации [Текст] / В.И. Родионова // Российская национальная идентичность в лабиринтах модернизации и глобализации: философские, социокультурные и политические проблемы: Материалы международной научно-практической конференции. – Невинномысск: Изд-во НГТИ, 2010. – С. 361 – 364. – 0,2 п. л.
62. Родионова, В.И. Интерпретация понятия «социальные практики» в современных социально-гуманитарных науках [Текст] / В.И. Родионова // Проблемы современного общества глазами молодежи: Материалы первой международной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2010. – С. 108 – 114. – 0,1 п. л.
63. Родионова, В.И. Об изменении содержания социальных практик в истории развития социума [Текст] / В.И. Родионова // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2010. – С. 43 – 46. – 0,56 п. л.
64. Родионова, В.И. К вопросу о роли рациональности и технологизации в развитии общества [Текст] / В.И. Родионова // Управленческие процессы в современном мире: тенденции и

проблемы: Материалы региональной научно-практической конференции. – Ставрополь: ООО «Мир данных», 2010. – С. 204 – 206. – 0,2 п. л.

65. Родионова, В.И. Некоторые аспекты технологизации социальных практик [Текст] / В.И. Родионова // Российская цивилизация: прошлое, настоящее, будущее: Материалы IV региональной научно-практической конференции. – Ставрополь: ООО Ставропольское кн. изд-во «Мысль», 2011. – 378 с. – С. 122 – 123. – 0,1 п. л.

66. Родионова, В.И. О значении технологизации в формировании современной парадигмы управления обществом [Текст] / В.И. Родионова // Формирование новой управленческой парадигмы в современном мире: тенденции, проблемы: Материалы региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей. – Ставрополь: ООО «Мир данных», 2011. – С. 114 – 116. – 0,25 п. л.

67. Родионова, В.И. Российская социальная политика в контексте технологизации социальных практик социальной работы [Текст] / В.И. Родионова // IV Всероссийская научно-практическая конференция. Сборник статей. «Качество жизни населения в транзитивном российском обществе: правовые, социокультурные и социально-экономические аспекты». – Пенза, 2011. – С.62 – 64. – 0,1 п.л.

68. Родионова, В.И. Социальные практики религиозного туризма [Текст] / В.И. Родионова, С.И.Таран // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2012. – С. 46 – 49. – 0,4/0,2 п. л.

69. Родионова, В.И. Социальные практики религиозного туризма [Текст] / В.И. Родионова, В. Ю. Тропникова // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2012. – С. 49 – 51. – 0,4/0,2 п. л.

70. Родионова, В.И. Социальные практики потребления в современном обществе: социально-теоретический анализ [Текст] / В.И. Родионова, Е.Д. Солонцова, Ю.С. Сподарева // Социально-гуманитарные проблемы современности: Сборник научных трудов. – Шахты: Изд-во ЮРГУЭС, 2012. – С. 43 – 46. – 0,4/0,1 п. л.

71. Родионова, В.И. Социальная идентичность в условиях технологизации социальных практик современного общества [Текст] / В.И. Родионова // Социальные идентичности в глобализирующемся мире: содержание, типы, механизмы трансформации: Материалы международной научно-практической конференции. – Невинномысск, 2012. – С.176 – 179. – 0,35 п. л.

72. Родионова, В.И. Социальные практики образования в контексте гуманитаризации высшей школы [Текст] / В.И. Родионова // Сборник материалов первой международной научно-практической конференции «Философия в техническом вузе». – Санкт-Петербург, 2012. – С. 53 – 56. – 0,25 п. л.

73. Родионова, В.И. О категории «социальные практики» в современном обществознании [Текст] / В.И. Родионова // IX Международная заочная научно-практическая конференция «Инновации в науке». – Новосибирск, 2012. – С. 43 – 46. – 0,3 п.л.

74. Родионова, В.И. Понятие «социальные практики» в контексте деятельностного подхода [Текст] / В.И. Родионова // Материалы всероссийской конференции «Человек, свобода, культура», посвященной 90-летию В. Е. Давидовича. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 325 – 328. – 0,2 п. л.

75. Родионова, В.И. Социальные практики современного образовательного пространства и развитие ценностных ориентаций личности [Текст] / В.И. Родионова, Р.Н. Башкатов, И.Г. Шарков // Сборник статей всероссийской научно-практической конференции «Социальное развитие и духовно-нравственный мир современной личности: проблемы российского общества». – Волгоград. – М.: ООО «Планета», 2012. – С.174 – 178. – 0,3 / 0,1 п. л.

76. Родионова, В.И. Технологизация – вектор эволюции социальных практик [Текст] / В.И. Родионова // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и образования: прошлое, настоящее, будущее». – Тамбов, 2012. – С.74 – 78. – 0,2 п. л.

77. Родионова, В.И. О методологических основаниях социально-философской рефлексии социальных практик в условиях технологизации [Текст] / В.И. Родионова // Социально-гуманитарный дискурс. – 2012. – №2. – С. 36 – 42. – 0,3 п. л.

78. Родионова, В.И. Технологизация социальных практик и процессы управления в современном мире [Текст] / В.И. Родионова, В.Б. Тимофеева // Социальное управление как политика и искусство: материалы VI межвузовской научно-практической конференции. – Ставрополь: ООО «Мир данных», 2013. – С. 94 – 96. – 0,2/0,1 п. л.

79. Родионова, В.И. Институализация социальных практик ЖКХ как отражение представлений населения о стабильном развитии общества [Текст] / В.И. Родионова, Н.Т. Обоймова. –

Международное научное издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования» / International scientific periodical modern fundamental and applied researches. – 2013. – Специальный выпуск. – С. 166 – 172. – 0,5/0,25 п.л.

80. Родионова, В.И. Аспекты социальной реабилитации ребенка-инвалида [Текст] / В. И. Родионова А. В. Кашина // Социальные изменения в современном обществе: сборник научных трудов. По материалам Международной научно-практической конференции (II Северо-Кавказские социологические чтения). – Ставрополь: ООО «Мир данных», 2013. – С. 78 – 80. – 0,1/0,05 п.л.

81. Родионова, В.И. Возможности реабилитации лиц с ограниченными возможностями в контексте социальных практик параолимпийских игр [Текст] / В. И. Родионова, Н.А. Звягинцева // Международная научно-практическая конференция, посвященная XXII зимним Олимпийским играм и XI Параолимпийским играм. – Москва: «Перо», 2014. – С. 93 – 97. – 0,2/0,1 п.л.

82. Родионова, В.И. Социальные практики института местного самоуправления в России: исторический контекст [Текст] / В. И. Родионова, Шилкина Е.Л., Биловус В.К. // Сборник научных трудов: по материалам Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития науки». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 176 – 178. – 0,3/0,1 п.л.

83. Родионова, В.И. Institutional basics of tariffs in houses and communal services: cross-country analyses [Текст] / Т.Н. Nerovnya, N.T. Oboimova, G.P. Dovlatyan, V.A. Shapovalov // Mediterranean Journal of social sciences (BD SCOPUS). – 2015. – Vol.6. – №3. – P. 26 – 36. – 1,9 /0,5 п.л.

84. Родионова, В.И. Феноменология труда в современной России: эволюция социальных практик и трансформация габитуса [Текст] / В.И. Родионова, Т.И. Барсукова // Время перемен: проблемы общества – ответы социологии: сборник научных трудов. По материалам Международной научно-практической конференции (III Северо-Кавказские социологические чтения). – Ставрополь: ООО «Мир данных», 2014. – С. 180 – 186. – 0,6/0,3 п. л.